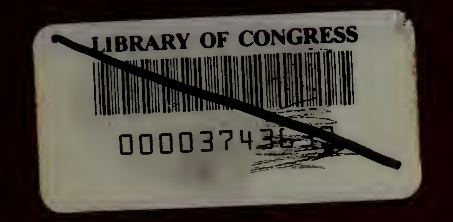

LIBRARY OF CONGRESS
00003743

ОБЪ

ОТНОШЕНІИ ЯЗЫКА СЛАВЯНСКАГО

КЪ

ЯЗЫКАМЪ РОДСТВЕННЫМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Гильфердинга.

МОСКВА.
1853.

ОБЪ

ОТНОШЕНІИ ЯЗЫКА СЛАВЯНСКАГО

КЪ

ЯЗЫКАМЪ РОДСТВЕННЫМЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

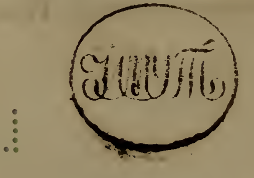
А. Гильфердинга.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію Совѣта Императорскаго Московскаго Университета. Октября 16-го дня, 1853 года.

Секретарь Совѣта А. Жигаревъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Наукъ удостоила издать при «Извѣстіяхъ» своихъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности изслѣдованіе, въ которомъ я сравниваю Славянскій языкъ съ Санскритскимъ и стараюсь опредѣлить взаимныя ихъ отношенія. Изслѣдованіе почти все состоитъ изъ сближенія родственныхъ корней и словъ Санскритскихъ и Славянскихъ. На собранныхъ тамъ матеріялахъ можно было, конечно, основать нѣкоторые общіе выводы; но ихъ загромоздило безчисленное множество мелочей, которыхъ, однако, нельзя было откинуть въ подробномъ сравненіи означенныхъ языковъ. Потому я теперь хотѣлъ бы выставить только эти именно выводы, съ тѣмъ, чтобы они могли сдѣлаться болѣе доступными всякому, кто любитъ науку о словѣ, но не имѣетъ охоты прослѣдить

полное сближеніе Славянскаго языка съ Санскритскимъ. Разумѣется, я постараюсь предложить ихъ въ связи съ тѣми итогами, которые добыты трудами великихъ ученыхъ, основавшихъ и обработывавшихъ науку сравнительнаго языковѣдѣнія.

Обращая вниманіе единственно на общія, характеристическія явленія и оставляя въ сторонѣ всѣ подробности и мелочи, я буду имѣть возможность распространить свое обозрѣніе и на другіе, родственные Санскритскому и Славянскому, языки и указать на главныя ихъ соотношенія. Также, не ограничиваясь изученіемъ однихъ только звуковъ и словъ, я постараюсь дать общее понятіе о грамматическомъ строѣ Санскритскомъ и Славянскомъ и обозначить нѣкоторые выводы, истекающіе изъ сравненія важнѣйшихъ его особенностей.

Такимъ образомъ это разсужденіе, я надѣюсь, представитъ, конечно, не глубокое и полное, но, по крайней мѣрѣ, общее очертаніе сравнительной науки объ языкахъ нашего, Индо-Европейскаго, племени и, можетъ быть, послужитъ къ тому, чтобы ознакомить съ нею людей, благо-

склонныхъ къ филологіи, но не имѣющихъ ни времени, ни терпѣнія прочитать ученыя и полновѣсныя книги по этой части.

Предлагая свои мысли на судъ читателей, я не могу не выразить своей искренней признательности Алексѣю Степановичу Хомякову за участіе, которое онъ постоянно оказывалъ къ моимъ филологическимъ занятіямъ, и которымъ побудилъ меня взяться за составленіе настоящаго труда.

ОБЪ

ОТНОШЕНІИ ЯЗЫКА СЛАВЯНСКАГО

КЪ

ЯЗЫКАМЪ РОДСТВЕННЫМЪ.

Еще въ древности сравнивали слова и объясняли ихъ производство; но это занятіе стало наукою весьма недавно, въ нынѣшнемъ столѣтіи. Причина тому ясная: въ старину руководствовались единственно созвучіемъ сравниваемыхъ словъ и, найдя созвучіе, тотчасъ хотѣли опредѣлить, въ какомъ языкѣ такое-то слово коренное, а въ какомъ заимствованное. Не знали, или забывали, что можетъ быть родство языковъ коренное, современное самому ихъ началу и совершенно независимое отъ случайнаго заимствованія отдѣльныхъ выраженій, какое происходитъ отъ историческаго общенія народовъ. При этомъ, разумѣется, всякій толковалъ по своему, увлекаясь и личнымъ убѣжденіемъ и ложно понятымъ патріотизмомъ: одинъ

производилъ Нѣмецкое слово отъ Латинскаго, другой Латинское отъ Нѣмецкаго, и ошибались оба. Надобно было сперва найти языкъ, въ которомъ бы сходились обѣ стороны, такъ, чтобы ярко показалось *коренное* родство Нѣмецкихъ словъ съ Латинскими и отстранилась возможность заимствованія. Такой языкъ внесенъ былъ въ науку Англичанами, которые, покоряя Индію, едва ли думали открыть новое поле дѣятельности филологовъ. Языкъ этотъ называется Санскритскимъ и давно уже не существуетъ; за то онъ прежде другихъ языковъ того же корня установился въ письменныхъ произведеніяхъ, и въ памятникахъ своихъ передалъ потомству звуки глубочайшей древности. Со всѣми почти языками Европы нашлось въ немъ сродство, и онъ сдѣлался, такъ сказать, между ними общимъ посредникомъ: ибо если два слова, Латинское и Нѣмецкое, другъ съ другомъ сходныя, сходствовали и съ Санскритскимъ, то съ какой стати было толковать о заимствованіи? Тотчасъ открылась животворная истина, что всѣ Европейскіе языки и народы *) составляютъ съ двумя главными племенами Азіи, Индійцами и Персами, одну великую

---

*) Кромѣ Басковъ и Финновъ съ родственными послѣднимъ, Мадьярами и Турками.

семью; что Славяне, Литва, Нѣмцы, Греки, Италійцы и Кельты говорили нѣкогда однимъ языкомъ и были родными братьями; что они изъ Азіи, гдѣ жили вмѣстѣ, перешли въ Европу и здѣсь разошлись, каждый по своей дорогѣ.

Безсмертную славу пріобрѣлъ себѣ Англичанинъ Вильямъ Джонсъ (Jones) (ум. въ 1794 г.), который прежде всѣхъ воспользовался для науки расширеніемъ Англійской власти на Востокѣ. Онъ первый далъ Европѣ понятіе о Санскритскомъ языкѣ и его памятникахъ и первый также указалъ на тождество его корней съ корнями Европейскихъ языковъ.

Примѣнить открытія Джонса къ сравненію Санскритскаго языка съ другими языками Европы первый, сколько извѣстно, задумалъ Аделунгъ, который въ 1811 г. представилъ Россійской Академіи разсужденіе (безъ имени сочинителя) подъ заглавіемъ: »Rapports entre la langue Sanscrite et la langue Russe«. По поводу этого разсужденія писалъ о томъ же предметѣ Леванда. Потомъ и Польскій ученый, Скороходъ - Маевскій, Чехъ Антонъ Юнгманъ и Сербъ Михановичъ обратили вниманіе на родство между языками Санскритскимъ и Славянскимъ и представили объ этомъ свои замѣчанія, первый въ сочиненіяхъ сво-

ихъ о Славянскихъ древностяхъ, послѣдніе въ отдѣльныхъ статьяхъ *). Но, не смотря на этѣ попытки, сравненіе языковъ Европейскихъ съ Санскритскимъ не принимало значенія настоящей науки, пока оно не привилось въ Германіи трудами знаменитаго филолога, Боппа. Онъ впервые, въ 1816 г., показалъ строго научнымъ анализомъ тождество измѣненій глагола въ Санскритскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и древнемъ Нѣмецкомъ языкахъ, и съ тѣхъ поръ безпрерывно продолжалъ свои изслѣдованія, все болѣе и болѣе расширяя кругъ сравниваемыхъ языковъ. Дѣло Боппа нашло тотчасъ отголосокъ въ Англичанинѣ Мурре (Murray), который также попытался сличить языки Санскритскій, Нѣмецкій, Кельтскій, Греческій и Славянскій. Его трудъ, переведенный по-Нѣмецки Вагнеромъ (1825 г.), замѣчателенъ и дѣльностью содержанія

---

*) Вотъ перечень ихъ сочиненій, которыя сюда относятся:

Разсужденіе Леванды, по поводу статьи Аделунга, вышло подъ заглавіемъ: Dissertation sur l'utilité et le mérite d'un ouvrage anonyme ayant pour titre: «Rapports entre la langue Sanscrite et la langue Russe etc», par J. L.; по-Русски въ VI части Сочиненій и Переводовъ, изд. Россійскою Академіею. Спб. 1813, стр. 95 и слѣд., и отдѣльной книжкой, подъ заглавіемъ: Разсужденіе о пользѣ и достоинствѣ сочиненія, сообщеннаго отъ неизвѣстной особы подъ названіемъ: «Сходство между Санскритскимъ и Россійскимъ

и тѣмъ, что составляетъ единственное, кажется, по этой части произведеніе Англійской науки. Во Франціи послѣдователемъ Боппа явился Эйхгофъ; но главная дѣятельность сравнительнаго языковѣдѣнія сосредоточилась въ Германіи. Здѣсь, въ слѣдъ за Боппомъ, выступили на поприще науки Як. Гриммъ и Поттъ, нѣсколько позднѣе Бенфей, Бенари и мн. др. Нельзя не упомянуть и о Вильгельмѣ Гумбольдтѣ, еще прежде Боппа начавшемъ свою ученую дѣятельность, который, въ своихъ знаменитыхъ трудахъ по части философіи слова, обогатилъ многими мыслями и сравнительную науку объ языкѣ.

Дѣло имъ предстояло великое: слѣдовало разработать все то, что языки Европейскіе имѣютъ общаго съ

языками»; за симъ слѣдуетъ: «Истинное происхожденіе и начало Славянскаго народа и его имени, доказанное исторически и этимологически и представленное Императорской Россійской Академіи Коллежскимъ Совѣтникомъ Ив. Левандою.» 1812, въ 8-ю *д. л.*, 64 стр.—Сочиненіе Маевскаго: O Słowianach i ich pobratymcach. Warszawa 1816; его же: Rozkład y treść dzieła o początku licznych Sławiańskich narodów, tudzież każdego w szczególności.—Статья Юнгмана о Санскритѣ и Пракритѣ, сличенныхъ грамматически съ Чешскимъ, въ Журналѣ Krok I, 65—81.—Статья Михановича: Zusammenstellung von 200 Laut- und Sinnverwandten Wörtern des Sanskrites und Slawischen, въ «Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst», № 66, 67, 71.

Санскритскимъ и другъ съ другомъ. Боппъ по преимуществу изучалъ грамматическое сродство, если не всѣхъ, то большей части Индо-Европейскихъ языковъ (на Кельтскій *) и Славянскій онъ вообще мало обращалъ вниманія); Гриммъ изслѣдовалъ въ особенности нарѣчія Нѣмецкія, Бенфей — языкъ Греческій, Бенари — Латинскій, Поттъ — Литовскій, и т. д. Но при всѣхъ огромныхъ трудахъ, предпринятыхъ въ столь короткое время (въ послѣднее тридцатилѣтіе) и совершенныхъ съ такимъ успѣхомъ, нельзя сказать, чтобы сравнительная филологія достигла полнаго развитія, и чтобы въ ней сдѣлано было болѣе, нежели слѣдуетъ еще сдѣлать. Не имѣя никакого желанія поставить себя совершенствователемъ того, что исполнили въ этой наукѣ люди, каковы Боппъ и Гриммъ, мы можемъ, однако же, и теперь, кажется, указать на главные ея недостатки въ настоящемъ ея видѣ и обозначить нѣкоторые новые выводы, къ которымъ она, мы думаемъ, придетъ.

Существенные еще недостатки сравнительнаго изученія языковъ суть, по нашему мнѣнію,—*отсутствіе*

---

*) О Кельтскомъ языкѣ Боппъ написалъ особое разсужденіе, пользуясь открытіями Пикте, но въ своей Сравнительной Грамматикѣ онъ объ немъ почти не говоритъ.

выводовъ и *отрывочность*. Первый уменьшаетъ его научное достоинство, второй ставитъ его внѣ общенія съ другими областями знанія, тогда какъ ему мѣсто близъ всемірной исторіи, и назначеніе—служить ей пояснителемъ и вожатаемъ въ тѣ забытыя времена, которыя не оставили по себѣ памятниковъ и о которыхъ молчатъ преданія.

Одинъ только великій выводъ дала сравнительная филологія: доказала родство народовъ Европейскихъ съ Индійцами и Персами и выходъ первыхъ изъ Азіи, гдѣ когда-то все племя жило вмѣстѣ. Уже съ перваго ея появленія этотъ выводъ признанъ достовѣрною, неоспоримою истиною; но съ тѣхъ поръ другаго общаго, всѣмъ понятнаго и для живой мысли плодотворнаго сло́ва еще не сказала эта наука.

Въ томъ виноваты, конечно, не умъ, не пытливость, не трудолюбіе филологовъ, а виновата ихъ точка зрѣнія, опредѣленная мѣстными условіями. Вникнемъ въ ихъ положеніе. Сравнительная филологія процвѣтала и до сихъ поръ процвѣтаетъ преимущественно въ Германіи. Нѣмецкіе ученые главнымъ образомъ трудились надъ языками, имъ наиболѣе знакомыми, именно надъ Греческимъ, Латинскимъ и надъ всѣми нарѣчіями Германскаго. Но эти языки, по при-

родѣ ихъ звуковъ, которую мы потомъ узнáемъ, значительно удалились отъ Санскритскаго языка, средоточія нашей науки. Потому нужна часто огромная работа, чтобы отыскать въ нихъ родство съ Санскритскими словами и формами, работа, которая не могла, своею утомительною мелочностію, не отвлекать отъ общаго взгляда на весь предметъ. Притомъ, Нѣмецкіе ученые, первые труженики на поприщѣ сравнительной филологіи, должны были начать съ того, чтобы разработать вчернѣ матеріялы, которые она имъ предлагала. Когда мы ко всему этому присоединимъ самый народный ихъ характеръ, который не рѣдко предпочитаетъ знаніе подробностей общимъ выводамъ, или же придаетъ наукѣ отвлеченность, удаляющую отъ нея непосвященнаго въ ея таинства, мы поймемъ дѣятельность Нѣмецкихъ филологовъ: они разсмотрѣли всѣ, до мелочи, явленія знакомыхъ имъ языковъ, и отыскали, гдѣ только могли, родство ихъ между собою и съ Азіятскими вѣтвями нашего племени. Но отъ разработки матеріяла они не пришли ни къ какому новому, широкому взгляду на свою науку: радуясь, можно сказать, дѣтскою радостью всякой новооткрытой подробности, доказывавшей родство языковъ Индо-Европейскихъ, они забывали, что эти подробности не говорятъ ничего существеннаго, что это родство

и безъ того хорошо извѣстно, и что надобно въ наукѣ идти впередъ, а не раздаваться только вширь.

Нашелся, однако же, ученый, прославившійся огромными трудами на пользу науки языка, который захотѣлъ повести ее по новому пути, именно Гриммъ въ своей «Исторіи языка Нѣмецкаго.» Можно было ожидать, что въ такой книгѣ ученый, каковъ Гриммъ, разъяснитъ и рѣшитъ самые живые вопросы этой науки, что онъ опредѣлитъ, въ связи съ внутреннею жизнію Германскаго племени, тѣ законы, которые оно выработало въ своей рѣчи и которые выразились сначала въ обособленіи Нѣмецкаго языка отъ другихъ Индо-Европейскихъ отраслей, потомъ въ его развѣтвленіи на нарѣчія и, наконецъ, въ историческомъ его развитіи. И дѣйствительно, Гриммъ прекрасно объяснилъ органическіе законы, составляющіе особенность Германской рѣчи въ ея совокупности; но изъ всѣхъ задачъ Исторіи Нѣмецкаго языка, только эта одна вполнѣ изложена и рѣшена въ его книгѣ; и она даже, къ сожалѣнію, не представлена съ безпристрастной цѣлію научнаго изслѣдованія, а подчинена совершенно постороннему предмету, доказательству историческаго предположенія, въ которомъ сочинитель увѣрился напередъ. Съ Нѣмецкою добросовѣстностью онъ самъ разсказываетъ въ своемъ предисловіи, какъ это предполо-

женіе у него явилось и какъ онъ рѣшился положить его въ основаніе Исторіи Нѣмецкаго языка: перечитывая Іорнанда, древняго Готскаго историка, онъ былъ пораженъ тѣмъ, что Іорнандъ постоянно принимаетъ Гетовъ, обитавшихъ нѣкогда на Дунаѣ, за одинъ народъ съ Германскимъ племенемъ Готовъ, и, найдя въ этомъ тождествѣ,—которое, обыкновенно, признавалось за произвольную выдумку, основанную на смѣшеніи двухъ сходныхъ именъ,—великую истину, могущую пролить свѣтъ на всю древнюю исторію Германскаго племени и внезапно открыть ей на востокѣ широкое поле (*einen reichen Hintergrund*), онъ захотѣлъ сосредоточить около своей мысли древнюю исторію Германцевъ, «напоенную, по его выраженію, глубже прежняго источникомъ языка Нѣмецкаго.» Къ несчастію Гриммовой «Исторіи», это предположеніе совершенно невѣроятно, и слабость его уменьшаетъ значеніе всѣхъ филологическихъ изысканій, которыми Гриммъ старался окружить и подкрѣпить его. Но все таки эти изысканія имѣютъ большое достоинство. Они-то составляютъ шагъ впередъ въ сравнительной филологіи, потому что въ нихъ приводятся къ общимъ законамъ всѣ явленія языка Нѣмецкаго и опредѣляются его отношенія къ другимъ Индо-Европейскимъ отраслямъ.

Но отъ того ли, что «Исторія Нѣмецкаго языка», по неправильности главной своей мысли и смѣшенію филологическихъ изысканій съ историческимъ предположеніемъ, до нихъ не касающимся, не могла имѣть въ наукѣ большаго вліянія, или что трудно показалось Нѣмецкимъ ученымъ отстать отъ старыхъ привычекъ и пойти по новой дорогѣ, — дѣло, начатое Гриммомъ, не нашло послѣдователей, и все еще, какъ прежде, Германская филологія довольствуется старымъ, аналитическимъ методомъ Боппа, т. е., разборомъ отдѣльныхъ явленій языка, безъ стремленія перейти отъ нихъ къ какимъ либо общимъ выводамъ.

Хотя взглядъ Французскихъ ученыхъ вообще живѣе (но за то и поверхностнѣе), однако, въ сравнительной филологіи они не ушли далѣе своихъ за-Рейнскихъ собратьевъ. Положеніе ихъ весьма невыгодное: при своихъ изысканіяхъ они не могутъ пользоваться роднымъ языкомъ, а должны браться за Латинскій, или за Кельтскій. Послѣдній обязанъ имъ превосходными изслѣдованіями. Пикте (Pictet) посвятилъ ему разсужденіе, которое, по ясности изложенія и вѣрности изысканій, занимаетъ въ нашей наукѣ едва ли не первое мѣсто. Но Кельтскій языкъ такъ отдаленъ отъ Санскритскаго, что Пикте долженъ былъ ограничиться единственно доказательствомъ его родства съ семьею

Индо-Европейскою, и не могъ основать на немъ никакихъ новыхъ заключеній. Другой Французскій ученый, знаменитый Бюрнуфъ, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для объясненія священнаго языка древнихъ Персовъ, Зендскаго. Но во всѣхъ прочихъ частяхъ сравнительной филологіи Французы не только не подвинули впередъ дѣла Нѣмецкихъ изыскателей, но даже доселѣ остаются у нихъ учениками *).

Подобно Французамъ, и Англичане не могутъ пользоваться, въ этой наукѣ, своимъ роднымъ языкомъ и должны обращаться къ древнимъ Германскимъ нарѣчіямъ, или къ остаткамъ Кельтскаго племени. Довольные практическимъ дѣломъ собиранія и обработки матеріяловъ, открытіемъ и объясненіемъ Санскритскихъ памятниковъ и безчисленныхъ надписей, которыми Азіятскіе народы испестрили скалы и стѣны, они не пускаются въ отвлеченныя изысканія сравнительной филологіи. Она имъ не нравится. Да и можетъ ли ихъ дѣловому смыслу и народной гордости понравиться наука, которая къ практической жизни неприменима, и которая первымъ и главнымъ выводомъ своимъ ставитъ отважнаго Англичанина и преклоняющагося

*) Это должно сказать и о Шаве́ (Chavée), недавно выступившемъ на поприще сравнительной филологіи съ своей «Lexiologie indo-européenne. Paris, 1849.»

передъ нимъ лѣниваго Индійца родными братьями-одноплеменниками?

Такимъ образомъ, собственно, одни только Нѣмцы обработываютъ сравнительную филологію: послушная имъ, она ограничивается тѣмъ кругомъ, въ который они ее поставили, и довольствуется тѣми заключеніями, которыя они опредѣлили.

Легко бы, однако, было въ этой наукѣ, представить нѣкоторые новые и любопытные выводы. Постараюсь показать читателю возможность такого дѣла, основываясь преимущественно на сравнительномъ изученіи *Славянскаго* языка, на который заграничные ученые до сихъ поръ обращали наименѣе вниманія. Я отправлюсь отъ истины самой простой и которой никто не станетъ оспаривать: что переходы звуковъ, замѣчаемые при сравненіи родственныхъ языковъ, бываютъ частію *постоянные* или *органическіе*, частію *случайные*. Первые проявляются въ языкѣ послѣдовательно, составляютъ его коренную особенность и опредѣляютъ, такъ сказать, его личность въ цѣлой семьѣ языковъ; вторые—общи всѣмъ языкамъ и встрѣчаются въ частныхъ случаяхъ, основанныхъ скорѣе на прихоти выговора, чѣмъ на постоянномъ законѣ языка.

Сравнивая, въ отношеніи словъ, а не грамматическаго устройства, отдѣльные языки Индо-Европей-

скіе съ древнѣйшимъ изъ нихъ, Санскритскимъ, мы находимъ, что одни отличаются отъ него органическими измѣненіями звуковъ, другіе же не имѣютъ такихъ особенностей.

Переберемъ ихъ по одиначкѣ:

1) Зендскій языкъ съ такъ наз. древне-Персидскимъ нарѣчіемъ*) чрезвычайно сходенъ съ Санскритскимъ. Оно такъ и должно быть, по близости двухъ племенъ, Индійскаго и Персидскаго, по исконному общенію между ними (которое несомнѣнно), и по древности обоихъ. При всемъ томъ, однако, нѣтъ, можно сказать, въ цѣлой семьѣ Индо-Европейской языка, который бы отличался отъ Санскритскаго бо́льшимъ числомъ постоянныхъ, орга-

---

*) Эти общепринятыя названія, собственно, невѣрны: слово *Зендскій* неправильно перенесено отъ названія священной книги Парсовъ-огнепоклонниковъ (Zend-u-ostô, что значитъ слово въ слово: книга и комментарій). Лучше было бы назвать Зендскій языкъ древне-Персидскимъ, а такъ наз. древне-Персидское или Ахеменидо-Вавилонское нарѣчіе—языкомъ Персскимъ (langue Perse). Оба эти языка весьма близки другъ къ другу: на первомъ писана, какъ извѣстно, Зендъ-Авеста, отъ втораго сохранились остатки въ надписяхъ древнихъ царей Персидскихъ. Что я говорю здѣсь, относится къ Зендскому языку: древне-Персидскій или Персскій, представляющій замѣчательное сходство съ языкомъ древнѣйшаго Санскритскаго памятника, Ведъ, слишкомъ мало извѣстенъ, чтобы возможно было разсуждать о немъ отдѣльно въ нашемъ общемъ обзорѣ.

ническихъ измѣненій звуковъ, такъ что, при сравненіи ихъ, поражаетъ странное явленіе: слова̀, даже самыя сложныя, грамматическія формы, наконецъ, цѣлыя фразы въ обоихъ языкахъ тѣ же, а звуки совершенно иные.

Такъ въ Зендскомъ языкѣ:

а) гласная *i* и полугласная *j* постоянно повторяются въ предъидущемъ слогѣ при другой гласной, на пр. vâiri вода, Санскр. vâri; aibi надъ, Санскр. abhi при; Санскр. и Зенд. pat падать, а въ причастіи Зенд. paitita, Санскр. patita; pûitika чистота, Санскр. pûtika и т. д.

б) Передъ двоегласными *ê*, *ô* (сложенными изъ *ai*, *au*), Зендскій языкъ почти всегда прибавляетъ краткое *a*, напр. aêtat, aêtê это, эти, Санскр. êtat, êtê; maêgha туча, Санскр. mêgha; gaô корова, Санскр. gô; zaôthra жертва, Санскр. hôtra.

в) Передъ *h* и *m* гласная *a* по-Зендски выговаривается въ носъ, въ извѣстныхъ, постоянныхъ случаяхъ, на пр. naoṅha носъ, Санскр. nâsa; qaṅha сестра, Санскр. svasâ; pâdhanaṅm ногъ, Санскр. pâdânâm.

г) *K*, *t*, *p* передъ другою согласною всегда произносятся съ придыханіемъ, на пр. khšathra господство, Санскр. kšatra; khrudh сердиться, Санскр. krudh; thri три, Санскр. tri; fraçna вопросъ, Санскр. praçna.

д) Санскритское *s* всегда *) измѣняется въ *h*, а *h* въ *z*, (на пр. Зенд. hazanhra тысяча, Санскр. sahasra; had сидѣть, Санскр. sad; ahmi есмь, Санскр. asmi; zbê звать, Санскр. hvê). Сочетаніе sv переходитъ въ гортанный звукъ, который Боппъ изображаетъ буквами *kh*, Бюрнуфъ *q*, напр. qa свой, Санскр. sva; qafna сонъ, Санскр. svapna; qanha, вин. пад. qanhrem, сестра, Санскр. svasâ, svasâram; qiç свистать, Санскр. çvas, вмѣсто svas. Сочетаніе çv превращается въ çp, на пр. çpaêta бѣлый, Санскр. çvêta; viçpa весь, Санскр. viçva, и мн. др.**).

2) Между всѣми народами, **Греки** отличаются самымъ своеобразнымъ, цѣльнымъ и законченнымъ развитіемъ: стройность и красота проявляются во всей ихъ жизни и отражаются, какъ въ ихъ статуяхъ и миѳахъ, такъ и въ языкѣ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, между всѣми Индо-Европейскими языками, Греческій какъ-то особенно

*) Только въ началѣ слова, передъ другою согласною, кромѣ *v*, *s* сохраняетъ свою шипящую природу.

**) Относительно произношенія словъ, написанныхъ Латинскими буквами, должно замѣтить слѣдующее: č, š, ž звучатъ какъ Русск. *ч*, *ш*, *ж*; ǵ какъ *дж*; ç есть звукъ средній между *s* (*с*) и *š* (*ш*), о свойствахъ котораго говорено будетъ въ послѣдствіи; *c* въ Литовскихъ и Латышскихъ словахъ всегда произносится какъ *ц*; *h* послѣ другой согласной означаетъ, что она выговаривается придыхательно; ‿^‿ надъ гласною есть знакъ долготы.

своеобразенъ, строенъ и изященъ; есть въ немъ что-то необыкновенное: безсознательная, непостижимая сила человѣческаго духа, которая развила у каждаго народа языкъ, соотвѣтствующій его потребностямъ, переработала у Грековъ цѣлый организмъ языка такъ, чтобы не допустить никакаго искаженія, а между тѣмъ придать ему видъ совершенно особенный, удивительную своеобразность, цѣльность и, можно сказать, соразмѣрность во всемъ его построеніи. При совершенномъ отсустствіи искаженія и чужой примѣси, онъ превосходитъ всѣ соплеменные языки своею самобытностью: нѣтъ въ Индо-Европейской семьѣ члена, который бы менѣе походилъ на другіе. Въ звукахъ онъ достигъ этой самобытности средствомъ самымъ простымъ, но въ примѣненіи чрезвычайно обширнымъ: систематическимъ истребленіемъ согласныхъ *ϝ*, *j* и *ς*, которыя во всѣхъ другихъ языкахъ такъ употребительны. Первыя двѣ совершенно чужды Грекамъ; послѣднюю они уничтожили вездѣ, гдѣ она приходилась между двумя гласными, и очень часто также въ началѣ словъ. Изгнаніе этихъ звуковъ произвело въ Греческихъ словахъ разнообразныя измѣненія, но большею частію они исчезли безъ слѣда, или замѣстились простымъ придыханіемъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: ὄμ-νυμαι клянусь, Санскр. jam держать, откуда nijâma клятва;

ὅς который, Скр. jas тожъ; ἅτε какъ, Скр. jathâ тожъ; ἅγιος святой, Скр. jağja-s кого должно почитать; ἰτέα ива, Скр. vêtasa родъ камыша; ἄστυ городъ, Скр. vâstu жилище; οἶδα знаю, Скр. vêda; αἶθρα вёдро, Скр. vîdhra ясный (о погодѣ); ὦνος цѣна, Скр. vasna тожъ; ναός храмъ, Скр. nivâsa-s жилище; ἰός ядъ, Скр. viša-s тожъ; ἰός стрѣла, Скр. išu-s тожъ; ἐών, ὤν сущій, им. множ. ἐόντες, ὄντες, Скр. san, им. мн. santas тожъ (san, santas сокращено изъ asan, asantas, ибо корень as, окончаніе an, antas и т. д.: эти формы и соотвѣтствуютъ Греч. ἐών, ἐόντες вмѣсто ἐσών, ἐσόντες); ἰδίω потѣю, Скр., svidjâmi тожъ; ἡδύς сладкій, Скр. svâdu-s тожъ. Кромѣ этого уничтоженія согласныхъ *ν*, *j* и *ς*, которое опредѣлило особенную физіономію Греческаго языка и произвело то многогласіе, которымъ онъ такъ поразительно отличается, есть въ немъ и другія постоянныя измѣненія звуковъ. Таковы, между прочимъ, превращеніе Санскритскихъ придыхательныхъ согласныхъ *dh* и *bh* въ ϑ и φ, *th* и *ph* въ простыя τ и π; прибавка придыханія въ словахъ, начинающихся на *u* (υ): ὑπό подъ, ὕδωρ вода, Скр. upa подъ, uda вода и ûdhra мокрый, и др. Но эти случаи менѣе важны, и мы можемъ оставить ихъ въ сторонѣ.

3) На Сѣверъ отъ древнихъ Грековъ жило обширное Ѳракійское племя. Его единственные потомки суть нынѣшніе Албанцы. Подробное изученіе Албанскаго языка было бы весьма важно для науки, потому что повело бы, можетъ быть, къ объясненію загадочнаго вопроса объ отношеніи древняго Ѳракійскаго племени къ другимъ народамъ, Грекамъ, Италійцамъ, Нѣмцамъ, Славянамъ. Къ несчастію, Албанскій языкъ такъ искаженъ, или лучше сказать, обезображенъ, что не только трудно вывести изъ него какія-нибудь заключенія о прежнемъ языкѣ Ѳракійцевъ, но и не легко даже узнать въ немъ Индо-Европейское начало. Притомъ же его изученіе еще ужасно затрудняется недостаткомъ матеріяловъ. До сихъ поръ Албанскій языкъ не имѣетъ ни порядочной грамматики, ни лексикона. Все, что мы знаемъ о немъ, почерпается изъ сочиненія Ксиландера, офицера Баварской арміи, который, самъ не говоря по-Албански, составилъ, однако, краткую грамматику и маленькій словарь его, по Албанскому переводу Новаго Завѣта, показаніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ и двумъ-тремъ другимъ, старымъ источникамъ. Разумѣется, на его достовѣрность нельзя вполнѣ полагаться, потому что, не зная Албанскаго языка, онъ не имѣлъ возможности повѣрять данныхъ, которыя собиралъ, и легко могъ впадать въ не-

вольныя ошибки. Но пока надобно довольствоваться и этимъ пособіемъ. Я думаю представить здѣсь нѣкоторыя подробности объ Албанскомъ языкѣ, свойства котораго, безъ сомнѣнія, неизвѣстны читателямъ. Всѣ его звуки, формы и слова такъ удалились отъ Санскритскихъ, что первымъ дѣломъ будетъ показать его родство съ Индо-Европейской семьею: о точномъ опредѣленіи его органическихъ звуковыхъ законовъ, при теперешнихъ средствахъ, нельзя и помышлять.

Сравненіе слѣдующихъ Албанскихъ словъ съ Санскритскими покажетъ, что въ его основаніи лежатъ Индо-Европейскія стихіи *):

Алб. ада́ потому — Скр. (въ Ведахъ) adha тожъ.
а́нэ конецъ, членъ — aṇi граница, anga членъ.
ари́ медвѣдь (искажено вм. арси́?) — ṛkša, Лат. ursus тожъ.
аферр близко — apara задній.
ба́гэти / бисэ } скотъ — paçu тожъ.
ба́лэ лобъ — bhâla тожъ.

---

*) У Ксиландера Албанскія слова выражены Греческою азбукою, съ прибавкою многихъ знаковъ; для удобства, я употребилъ Русскую. Должно замѣтить, что *γ* произносится мягче обыкновеннаго *г*, а на концѣ почти какъ *нг*, *δ* какъ ново-Греческое *δ* или Англ. th въ словѣ the, *ϑ* какъ ново-Греч. *ϑ* или Англ. th въ словѣ thin, *ν* и *χ* — мягче обыкновенныхъ *н* и *х*; *э* — какъ краткое Французское *eu* или какъ *u* въ Англійскомъ словѣ *burn*.

балтэ земля — pṛthvî тожъ.

баррэ ноша — bhâra тожъ.

башкэ у
пас по, послѣ } — paççât послѣ.
поштэ подъ

біе́к жарить — paĉ тожъ.

бу́рра мужчина — puruša тожъ.

бут нога — pâda тожъ.

ва вдова — vidhavâ тожъ.

валэ развѣ (wohl, etwa) — varam лучше.

вапэ теплый — vašpa паръ.

варфэрэ бѣдный — barbara глупый, varvara низкій, презрѣнный человѣкъ.

вγіе́хери, вγіе́хера свекоръ, свекровь — çvaçura. çvaçrû тожъ.

ве́гатэ богатый — bhagavat счастливый.

веш ухо — ghôša звукъ, Зенд. gaoša ухо.

веш одѣвать — vas тожъ.

витз теленокъ — vit'sa тожъ.

γіаштэ шесть — šaš тожъ.

γіу́ вы — jûjam тожъ.

га́рдэ ограда — garta (въ Ведахъ) домъ.

га́ти готовый — ghat готовить.

гіа́рпер змѣя — sarpa тожъ.

δа дать — dâ тожъ.

δγіэтэ десять — daçan тожъ.

δэ земля — gô, Греч. γῆ, δῆ тожъ.
δэмп зубъ — danta тожъ.
димер зима — hima тожъ.
дит день — dina тожъ.
дин знаю (вм. видиγ?) — vêdmi тожъ, vid знать.
дiег жечь — dah тожъ.
дру дерево — dru тожъ.
е́мере имя — nâman, Слав. имя.
эштэ кость — asthi тожъ.
зэ хватать — hâ тожъ.
зонiа женщина — ǧani тожъ.
ϑингил уголь — angâra тожъ.
иштэ есть — asti тожъ.
ка волъ — gô тожъ.
калэ лошадь — kharu тожъ.
катер четыре — čatur тожъ.
ке который
куш кто } kas кто, kim что.
че (τξε), чдо (τξδο) что
керро́иγ мету — kṛš скоблить.
кинт сто — çata тожъ.
ķiуки кукушка — kôkila тожъ.
куп горшокъ — kûpî бутыль.
курм тѣло } — kravja мясо.
кермэ падаль } — kṛp тѣло (Вед.)
креми́ улитка } — kṛmi червь.
кримп червь

кріе голова — çiras тожъ.

крисма шумъ — kruç кричать.

лéхэ легкій — laghu тожъ.

ліаиγ мочу — lî распускать (жидкость) (lique-facere).

лиγ оставляю — rič тожъ.

лиш дерево — rûkša тожъ.

мад большой — mahat тожъ.

мал гора — maru тожъ (a mountain. Wils.)

марръ глупый — mûra тожъ (Вед.)

мартéса бракъ — Литов. marti невѣста.

мес середина — madhja средній.

миррэ добрый — mitra другъ.

мишэ мясо — mânsa тожъ.

моліа нечистота — mala тожъ.

мот годъ — Лит. metas тожъ.

мóтра сестра—Лит. motere женщина (Скр. mâtṛ мать.

муа, ме меня, мнѣ — mâ, mê тожъ.

на, не мы — nas насъ.

натэ ночь — nakta тожъ.

нусэ сноха — snušâ тожъ.

vex знаетъ (вм. гн-ех?) — ǵnâ тожъ?

vіери человѣкъ — nṛ, nara мужчина.

патэ гусь — pataga птица.

пер для — pra тожъ.

песэ пять — pančan тожъ.

пи пить — pî тожъ.

піе́с спрашивать — prach тожъ.

рит расти — ṛdh тожъ.

руш виноградъ — rasâ тожъ.

си глазъ — akši тожъ.

сифе́р господинъ — subhra блестящій, превосходный, возвышенный.

ште́рпэ безплодный — starî (Вед.) безплодная корова.

та́тэ отецъ — tâta батюшка.

три три — tri тожъ.

тур бѣжать — tur спѣшить.

турп трупъ } — trup убивать.
труп тѣло }

угэ вода — uda тожъ.

улк волкъ — vṛka тожъ.

фашнэ платокъ, для обертыванія — vasna сукно, одежда.

хо́да ѣхать — sad итти, и мн. др.

Албанскій языкъ имѣетъ, изо всѣхъ языковъ, наибольшее коренное родство съ Латинскимъ; въ немъ, правда, также очень много словъ Греческихъ и Славянскихъ, но они носятъ видимый отпечатокъ заимствованія; слова же сходныя съ Латинскими кажутся большею частію коренными, или, по крайней мѣрѣ

принятыми въ самое древнее время, такъ что они переработались въ немъ органически и совершенно слились съ его стихіями. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Алб. армэ оружіе, откуда армик непріятель — Лат. arma.
вердэ зеленый, желтый — viridis.
витóреа побѣда — victoria.
нгуштэ узкій — angustus.
гіéл пѣтухъ — gallus.
грик стадо — grex.
дурóиγ продолжаюсь — duro.
егрэ / егресист — дикій — agrestis.
ергент серебро — argentum.
кен собака — canis.
кіел небо — coelum.
корп воронъ — corvus.
кýдерэ наковальня — cudere ковать.
кумерк пошлина — commercium.
кентóиγ пою — canto.
ліаргэ широкій — largus.
ліéпур заяцъ — lepus.
мэ́нтэ умъ — mens.
мик пріятель — amicus.
мóлэ яблоко — malum.
моррт смерть — mors.

па́кэ миръ — pax.

пе́мэ овощь — pomum.

пишк рыба — piscis.

ро́па похищать — rapere.

силе́нү мѣшкать — silere молчать.

си́пер надъ — super.

шент, ше́ингт святой — sanctus.

шенте́т здоровье — sanitas.

шерпе́тор служитель — servitor.

шуге́та стрѣла — sagitta.

турп стыдъ — turpis постыдный.

тра бревно — trabs.

фа́кэ лицо — facies.

харк лукъ — arcus и др.

Одна весьма замѣчательная особенность совершенно отличаетъ Албанскій языкъ отъ прочихъ Индо-Европейскихъ отраслей. Во всѣхъ членахъ Индо-Европейской семьи главное сходство имѣютъ корни глаголовъ, а въ именахъ представляется больше отступленій и разнообразія; одинъ Албанскій языкъ состоитъ изъ глагольныхъ корней совершенно отличныхъ, или ужъ такъ искаженныхъ, что въ нихъ не видно вовсе Индо-Европейскаго начала, а изъ именъ по большей части сходныхъ съ Санскритскими. Это можно даже замѣтить по приведеннымъ выше сближеніямъ: между ними несравненно болѣе именъ, нежели

глаголовъ, а изъ именъ я помѣстилъ только меньшую часть, тогда какъ выписалъ всѣ тѣ глаголы, въ которыхъ могъ замѣтить Индо-Европейскій корень (разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ, которые очевидно заимствованы изъ другихъ языковъ), именно: біе́к жарить, веш одѣвать, δа дать, діег жечь, диγ знаю (если оно сокращено изъ видиγ), зе хватать, ке́рроиγ мету, ліа́иγ мочу, лиγ оставляю, ϒех знать, пи пить, піе́с спрашивать, рит расти, тур бѣжать, хода ѣхать.

Между тѣмъ корни глаголовъ, выражающіе самыя простыя понятія и тождественныя во всѣхъ безъ исключенія языкахъ Индо-Европейскихъ, у Албанцевъ совершенно особенные. Вотъ нѣсколько примѣровъ на выдержку:

ѣсть, Скр. ad — Алб. ха.
родить, Скр. ǧan — пγіел; ле.
итти, Скр. i — ветэ, 1-е л. е́тзеиγ.
слышать, Скр. çru — дигіо́иγ.
знать, Скр. ǧnâ — кіох.
жить, Скр. ǧîv — ро́иγ.
класть, Скр. dhâ — ве.
любить, Скр. lubh, kam — дуа.
сидѣть, Скр. sad — риγ.
стоять, Скр. sthâ — кентро́иγ.
умирать, Скр. mṛ — вдес, и мн. др.

Также замѣчательно, что въ Албанскомъ языкѣ не сохранились слѣдующія общія всему Индо-Европейскому племени, названія ближайшихъ степеней родства:

отецъ, Скр. pitṛ — бабá, тáтэ, γiáти.
мать, Скр. mâtṛ — мэ́мэ, е́ммэ.
братъ, Скр. bhrâtṛ — велá.
сестра, Скр. svasṛ — мóтра.
сынъ, Скр. sûnu — би́ррэ.
дочь, Скр. duhitṛ — би́гэ.

Отъ чего въ Албанскомъ языкѣ такая особенность тѣхъ именно словъ, которыхъ родство у другихъ Индо-Европейскихъ народовъ самое большое, мы не беремся рѣшить; но это указываетъ, безъ сомнѣнія, на общій, глубокій переворотъ во всемъ его организмѣ. Желательно, чтобы кто нибудь, собравъ полный запасъ матеріяловъ и изучивъ Албанскій языкъ подробно, занялся этимъ вопросомъ, который, быть можетъ, поведетъ къ любопытнымъ открытіямъ, и филологическимъ, и историческимъ.

4) Языки древне-Италійскіе. Въ Италіи существовало нѣсколько языковъ, пока Римское владычество не замѣнило ихъ всѣхъ Латинскимъ; но только о послѣднемъ мы имѣемъ теперь полное понятіе. Важнѣйшую органическую его особенность составляетъ звукъ *f*: по природѣ своей Латинское *f* не есть при-

дыхательная губная согласная *p*, какъ Греческое φ (ее изображали Римляне сочетаніемъ *ph*), а какъ опредѣлилъ Бенари *), твердое дыханіе, при которомъ сохранился только слабый остатокъ согласной, потерявшей свой опредѣленный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, по свидѣтельствамъ древнихъ грамматиковъ, что Латинское *f* имѣло совершенно особенное, недоступное Греку, произношеніе, а этимологически оно замѣняетъ всѣ вообще Санскритскія придыхательныя согласныя. Не говоря о другихъ звуковыхъ законахъ, показанныхъ тѣмъ же ученымъ, я упомяну еще о странномъ свойствѣ, по которому Латинскій языкъ удержалъ придыханія только въ началѣ первообразныхъ словъ, а въ серединѣ вездѣ ихъ уничтожилъ. Это правило соблюдено такъ строго, что во всемъ Латинскомъ языкѣ Бенари нашелъ не болѣе 3 или 4 исключеній. — Изъ прочихъ древне-Италійскихъ языковъ не всѣ, по видимому, происходили отъ Индо-Европейскаго корня; между тѣми, которые принадлежали къ нашему племени, замѣчательны Осскій (lingua Osca, языкъ древнихъ Самнитовъ) и Умбрійскій. Оба они имѣютъ большое сходство, въ звукахъ, съ языкомъ Латин-

*) Römische Lautlehre. I, 35.

скимъ. Особенно Осскій и Латинскій могутъ почесться нарѣчіями одного языка. Первый отличается большею древностью грамматическихъ формъ и нѣкоторыми мелкими звуковыми явленіями. Такъ, на пр., въ Осскомъ языкѣ (а равно въ Умбрійскомъ), въ корнѣ относительнаго мѣстоименія ka и въ словѣ *четыре* (Скр. čatvâr, čatur, Литов. keturi, Лат. quatuor) *k* превращается въ *p*: Осск. pis, pai, pod, Лат. quis, quae, quod; pitpit quidquid, puturuspid uterque (çuter вмѣсто cuter, Скр. kataras; который изъ двухъ), petora quatuor; Умбр. petur-pursus четвероногій (pursus соотвѣтствовало бы Латинскому — pedus), pis quis, panta quanta, putrespe uterque, pufe, Осск. puf, Латинск. ubi вмѣсто cubi. — Умбрійскій языкъ имѣетъ много значительныхъ звуковыхъ измѣненій: особенно замѣчательно въ немъ преобладаніе согласной *r*, которая почти всегда замѣняетъ коренное *d*, а на концѣ также *s*, на пр.: ar ad, runum donum, sere sedes, vire-to причастіе глагола videre, kaleruf творительный падежъ слова, соотвѣтствующаго Латинскому callidus, plener plenus, и т. д. Кромѣ того замѣчательно, что онъ, сколько можно судить по скуднымъ и еще худо истолкованнымъ надписямъ, ставитъ предлоги послѣ управляемаго имени, на пр. asam-ar ad aram, fratrus-per per fratres, puplu-per per populum, и т. д.

Str. 11 řad 5 [illegible] [illegible] [illegible]

" 12 [illegible] [illegible] „[illegible] [illegible], po [illegible] ([illegible]), [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]."

14 [illegible] [illegible] není [illegible] než [illegible]

14 [illegible] [illegible] v polštině [illegible] [illegible] str. 15

15. [illegible] m. [illegible] je [illegible]. [illegible] II, [illegible] a 575

22. O ř českém [illegible] [illegible] „VIII [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] m. [illegible].

23 [illegible] [illegible] „[illegible]" [illegible] [illegible]. Nevysvětluje

[illegible]. [illegible] ř [illegible] [illegible]. [illegible] r [illegible].

12. [illegible] [illegible] jazyka v „[illegible]" [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible]. [illegible] byli [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] o rus. jazyku [illegible].

25 [illegible]. [illegible], [illegible], [illegible] = [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] a [illegible]

27. [illegible], [illegible], [illegible] [illegible], [illegible], [illegible]. [illegible] [illegible]

26. m. [illegible] [illegible] [illegible] jazyku [illegible] [illegible] au, [illegible]

28 [illegible] [illegible] č [illegible] [illegible] ani [illegible].

31 černý, [illegible], [illegible], žlt, [illegible], [illegible] [illegible], [illegible]

[illegible]

32–38 [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] rozvoz [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible], [illegible] potud, až
[illegible] [illegible]
v [illegible] [illegible] wenigstem
[illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] platina, Damm.
[illegible]
[illegible], [illegible]
otčetlivosti, [illegible]
[illegible] [illegible], Wankelmüthigkeit
[illegible], [illegible], [illegible]; mně ne do-
[illegible], [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible], Übergang

9)

Hieronyma (+ 420) pocházela, naskrze nedůvodná, a že se vznik její teprvé v 12 anebo 13 st. hledati musí. Kněži chorvatští a dalmatští, hledíce sobě zachovati bohoslužby slovanské, od lat. duchovenstva nenáviděné a na církv. sněmích r. 925 a 1059 přísně zakazované, vymyslili si, prý, sami glagolici. Aby se jim ale klamstvo toto lépe povedlo, vyhlásili, prý, za vynálezce své azbuky sv. Hieronyma. To prošelo. P. Innocent IV povolil, prý, r. 1248 bohoslužby slovanské dílem z úcty ke Sv. Hieronymovi, dílem a hlavně proto, že se tak podaří Slovany řeckého obřadu do lůna církve římsko-katolické navrátiti. Nej-
[illegible]
starší, zjevným rločením opatřená památka glagolská, žaltář totižto r. 1222 od klerika Mikuláše na ostrově Rabu v Dalmacii

Str. 124 má to je *ona* [illegible] je atd. [illegible] se [illegible]
[illegible] zájmena. Zamířel *nama* nam z [illegible] [illegible] str. 123
[illegible] dráčo [illegible] "není germanismy, jako se na 124 myslí
[illegible] se [illegible] [illegible] Vel. 31
[illegible]

5) **Германскій** языкъ во всѣхъ многочисленныхъ своихъ вѣтвяхъ, начиная отъ древняго языка Готовъ до новѣйшихъ, употребляющихся въ Германіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Голландіи и Англіи, представляетъ чрезвычайное разнообразіе звуковыхъ движеній. Не останавливаясь на многочисленныхъ переходахъ гласныхъ, которые, хотя болѣе или менѣе послѣдовательны, но весьма сложны, я укажу только на самое оригинальное свойство всѣхъ Германскихъ нарѣчій, извѣстное подъ названіемъ передвиженія звуковъ (Lautverschiebung). Оно состоитъ въ томъ, что всѣ, такъ называемыя, нѣмыя согласныя одного органа постоянно и правильно замѣняютъ другъ друга въ разныхъ нарѣчіяхъ. Гриммъ, который первый опредѣлилъ законы этихъ переходовъ, указалъ при этомъ на явленіе для насъ важное: именно, что частныя измѣненія согласныхъ въ Германскихъ нарѣчіяхъ проистекли не прямо изъ тѣхъ звуковъ, которые сохранились въ языкѣ Санскритскомъ, а изъ видоизмѣненій, которымъ они подверглись въ Греческомъ и Латинскомъ. — Вотъ нѣсколько примѣровъ Нѣмецкаго передвиженія звуковъ:

Греч. κάνναβις конопля: др.-Сканд. hanpr; др.-Нѣм. hanof.

Греч. ἐλέφας, ἐλέφαντος слонъ: Гот. ulbandus верблюдъ; др.-Нѣм. olpenta.

— φέρω несу: Гот. baira; др.-Нѣм. piru.

Лат. fiber бобръ: Анг.-Сакс. beofor; др.-Нѣм. pipar.

— genus родъ: Гот. kuni; — chunni.

— caput голова: — haubith; — haupit.

Греч. χολή желчь: др.-Скад. galla; — kalle.

— δέρω деру: Гот. tairan; — zëran вм. thëran.

Лат. tu ты: — thu; — du.

Осск. и Умбр. tauta городъ, государство: — thiuda народъ; — diot.

Греч. θύρα дверь: — daurô; — turî.

Это свойство Германской рѣчи, обозначившееся такъ сильно въ древнихъ ея вѣтвяхъ, продолжаетъ господствовать и до сихъ поръ: оно весьма сильно замѣтно при переходѣ древняго Нѣмецкаго языка въ новый, и теперь еще постоянно слышится въ говорѣ всякаго Нѣмца, который не твердо выучился своему письменному языку.

6) Кельтскій языкъ во всѣхъ своихъ нарѣчіяхъ чрезвычайно удалился отъ Санскритскаго и прочихъ соплеменныхъ языковъ и отличается важными особен-

ностями звуковъ. Всего замѣчательнѣе то, что онъ ввелъ въ извѣстныхъ случаяхъ, при склоненіи, спряженіи и даже при сочетаніяхъ словъ, правильное и постоянное чередованіе согласныхъ. Я не стану вдаваться въ опредѣленіе этихъ переходовъ, необыкновенно замысловатыхъ *); ограничусь нѣсколькими примѣрами изъ разныхъ Кельтскихъ нарѣчій: Ирланд. bard поэтъ, an bard поэтъ, le poëte, an bhaird поэта, na baird поэты, na mbaird поэтовъ; cluas ухо, an chluas l'oreille, na cluas уха, уши, na gcluas ушей; Валлійск. tad отецъ, ei dad его отецъ, ei thâd ея отецъ, fy nhâd мой отецъ; Бретанск. penn голова, va fenn моя голова, da benn твоя голова, и т. д.

И такъ вотъ цѣлый рядъ родственныхъ языковъ, которые всѣ отличаются и отъ Санскритскаго и другъ отъ друга какими-нибудь постоянными измѣненіями звуковъ. Связываетъ ихъ также и общая судьба: всѣ они, въ научномъ смыслѣ, могутъ быть названы языками мертвыми, ибо всѣ вымерли въ своемъ первичномъ видѣ и теперь уже существуютъ только въ нарѣчіяхъ второобразныхъ, искаженныхъ временемъ и чужою при-

---

*) Объ нихъ довольно подробно говоритъ Гриммъ въ «Исторіи Нѣмецкаго языка».

мѣсью. И говорить нечего, что Зендъ-Авеста и Персеполитанскія надписи непонятны для людей, употребляющихъ языкъ ново-Персидскій, который удалился отъ древняго, можетъ быть, даже болѣе, нежели Французскій отъ Латинскаго. Греческій языкъ и Латинскій давно умолкли. Всѣ теперешнія нарѣчія Германскаго племени принадлежатъ уже ко второму поколѣнію языковъ: они не стоятъ наравнѣ съ Санскритскимъ и прочими древними языками, а возникли въ историческое время изъ другихъ языковъ, подобно тому, какъ, на пр., Итальянскій произошелъ изъ Латинскаго, ново-Греческій изъ древняго. Теперешнее Нѣмецкое слово уже прямо не сближается, хотя бы съ Санскритскимъ, или съ Славянскимъ; оно сначала должно быть возведено къ своему корню, который найдется въ одномъ изъ древнихъ Германскихъ языковъ, Готскомъ, древне-Верхненѣмецкомъ, древне - Скандинавскомъ, Англо-Саксонскомъ и проч.; при такомъ только посредничествѣ новыя Нѣмецкія нарѣчія идутъ въ сравненіи съ языками первоначальнаго образованія. То же самое можно, безъ сомнѣнія, приложить и къ Албанскому языку и Кельтскимъ нарѣчіямъ, и я имѣю, въ нѣкоторомъ отношеніи, право назвать ихъ языками мертвыми, въ томъ же точно смыслѣ, какъ я называю мертвымъ языкъ Латинскій, хотя онъ еще живетъ въ обширныхъ

вѣтвяхъ своихъ, звучащихъ по старому и новому свѣту: къ первому поколѣнію Индо-Европейскихъ языковъ, къ разряду Санскритскаго, Готскаго, Латинскаго и др., принадлежатъ не Албанскій языкъ и не нынѣшнія Кельтскія нарѣчія, а тѣ коренные языки, изъ которыхъ они образовались уже въ историческое время, древне-Ѳракійскій, или какъ угодно называйте тотъ языкъ, на которомъ говорили предки Албанцевъ, и древне-Кельтскій. Вся разница состоитъ въ томъ, что эти древніе языки для насъ совершенно потеряны, тогда какъ другіе, умершіе въ устной рѣчи, воскресаютъ въ письменныхъ памятникахъ. Отъ того-то такъ трудно было доказать родство Албанскаго языка и Кельтскихъ нарѣчій съ Индо-Европейской семьею и сравнить ихъ съ древними ея членами. Положимъ, что Латинскій языкъ исчезъ безъ слѣда: въ такомъ случаѣ легко ли бы дался ученымъ Французскій языкъ, и сколько бы они бились надъ нимъ, прежде чѣмъ нашли бы въ немъ сходство съ Санскритскимъ!

Мы замѣтили, что вся западная половина Индо-Европейскаго племени уже давно забыла коренные языки свои и говоритъ теперь на языкахъ вторичнаго образованія. То же ли самое было съ половиною восточною?

Ново-Персидскаго, или Англійскаго слова нельзя прямо сближать съ Санскритскимъ: мы или вовсе не найдемъ ему аналогіи, или сдѣлаемъ ужасную натяжку. Для вѣрнаго объясненія надобно будетъ предварительно справиться, какъ оно звучало по-Зендски, или по-Англо-Саксонски. Литовскій же и Славянскій языки, напротивъ, непосредственно сравниваются со всѣми древними языками Индо-Европейскими. Образованіе ихъ не принадлежитъ къ историческому времени. Они языки коренные, первичные, и ведутъ свое начало прямо отъ того доисторическаго, умозрительно представляемаго, языка, на которомъ, должно быть, говорило все Индо-Европейское племя, когда оно еще жило въ Азіи, вмѣстѣ и нераздѣльно. Ничего не значитъ, что Славянскій и Литовскій языки имѣютъ нѣсколько нарѣчій, ибо раздѣленіе языка на нарѣчія и образованіе новаго языка изъ стараго, отжившаго, дѣло совершенно розное. Хотя есть основаніе предполагать, что до распаденія на отдѣльные народы, все Славянское племя имѣло одинъ общій языкъ, но этотъ языкъ не разрушался и изъ развалинъ его не возсоздавался другой языкъ, какъ Французскій, или Испанскій изъ Латинскаго, Англійскій изъ Англо-Саксонскаго, и онъ не переходилъ, какъ всѣ вѣтви Германскія, черезъ разные перевороты звуковъ и разныя на-

рѣчія, смѣнявшія другъ друга *), а тотъ же самый языкъ все еще звучитъ, неизмѣримый и живой, по лицу земли Славянской; онъ только измѣнился въ нѣкоторыхъ формахъ своихъ (и то мало: всякій Русскій, всякій Чехъ пойметъ древнѣйшіе свои памятники; а что скажетъ не изучавшій филологіи Нѣмецъ, если ему дать въ руки Улфилинъ переводъ Евангелія, или древнюю пѣснь о Гильдебрандѣ?) и у разныхъ вѣтвей Славянскихъ принялъ разные оттѣнки. Одно только Славянское нарѣчіе подверглось такому же перевороту, какой испытали западные Индо-Европейскіе языки во *всѣхъ* своихъ отрасляхъ, теперь живущихъ, именно, нарѣчіе ново-Болгарское, которое въ историческое время образовалось изъ древняго Болгарскаго (иначе Церковно-Славянскаго) языка и своимъ построеніемъ и характеромъ совершенно отличается отъ всѣхъ другихъ языковъ Славянскихъ: оно-то одно, между вѣтвями Славянскаго племени, стоитъ на одинаковой степени съ новыми языками Европы, Нѣмецкими, Романскими, Кельтскими, ново-Греческимъ.

Вотъ уже одно важное различіе между двумя языками, занимающими восточную половину Европы, Сла-

---

*) На прим., древне-Верхненѣмецкій, средне-Верхненѣмецкій, ново-Верхненѣмецкій; древне-Нижненѣмецкій, средне-Нижненѣмецкій, ново-Нидерландскій и т. п.

вянскимъ и Литовскимъ, съ одной стороны, и языками, образующими западную половину Индо-Европейской семьи, отъ Персидскаго залива до Ирландіи, съ другой: первые донынѣ живутъ въ народномъ говорѣ, осиливши вѣка, которые ихъ измѣнили, конечно, но не могли разрушить; вторые всѣ угасли и замѣнились новыми нарѣчіями. Впрочемъ, вымираніе однихъ языковъ, сохраненіе другихъ, могло произойти отъ историческихъ причинъ, а не отъ внутренняго расположенія; но мы найдемъ между ними и другое, *коренное* различіе, такое, котораго нельзя будетъ считать дѣломъ историческихъ вліяній, и которое по этому покажется гораздо важнѣе.

Языки западной половины Индо-Европейскаго племени отличаются отъ Санскритскаго, какъ мы знаемъ, постоянными, органическими измѣненіями звуковъ. Языки восточной половины имъ въ этомъ совершенно противоположны: такихъ измѣненій, сравнительно съ Санскритскимъ, въ нихъ нѣтъ, а всѣ тѣ звуковые законы, которыми они разнятся отъ языковъ западныхъ, составляютъ также особенность Санскритской рѣчи.

Таково коренное свойство, разграничивающее обѣ половины Индо-Европейской семьи. Оно такъ важно, мнѣ кажется, въ сравнительной филологіи, и по общности своей, и по тѣмъ заключеніямъ, которыя изъ него

развиваются, что я могу остановить на немъ вниманіе людей, цѣнящихъ науку о словѣ.

Славянскій и Литовскій языки связываются съ Санскритскимъ и отдѣляются отъ прочихъ языковъ родственныхъ, т. е., отъ Персидскаго, Греческаго, Албанскаго, Латинскаго, Германскаго и Кельтскаго, *пятью главными звуковыми законами*. Изъ нихъ одинъ, впрочемъ, принадлежитъ только Санскритскому и Славянскому, а не Литовскому. Съ него-то можно и начать:

Въ числѣ гласныхъ Индійскіе грамматики приводятъ *r*-гласную или такъ называемое *ri* (*ṛ*). Она произносится, какъ *r* съ краткимъ, неяснымъ звукомъ *e* или *i*. Употребленіе ея въ Санскритскомъ языкѣ чрезвычайно обширно. Западные языки Индо-Европейскіе и Литовскій не имѣютъ ничего подобнаго и замѣняютъ *ṛ* простымъ *r* съ какою-нибудь полною гласною, часто даже съ двумя гласными. Но тотъ же самый звукъ существуетъ и теперь у многихъ Славянскихъ народовъ, у Чеховъ, Словаковъ, Хорутанъ, Сербовъ, Болгаръ. Въ древнѣйшихъ Церковно-Славянскихъ памятникахъ мы на мѣстѣ *р*-гласной Индійцевъ, Чеховъ, Сербовъ и Болгаръ находимъ постоянно начертаніе *ръ* или *рь*. Нѣтъ сомнѣнія, что это былъ тотъ же звукъ, и что знакомъ *ъ* или *ь* при *р* изображалась та скрадываемая гласная, которая, соединяясь съ обык-

новеннымъ *р*, придавала ему самому значеніе гласной. Аналогія Санскритскаго ṛ съ Церковно-Славянскимъ *ръ* или *рь* и съ *р*-гласною поименованныхъ Славянскихъ нарѣчій *) поразительна. Пусть это покажутъ примѣры:

Врътѣти Церковно-Слав. вертѣть — Скр. vṛt обращаться.

Връхъ Ц.-Слав. верхъ — vṛh возвышаться.

Дръзати Ц.-Слав. дерзать — dhṛš тожъ.

Кръкъ Ц.-Слав., Чеш. шея — kṛka горло.

Кръсати Чеш. худѣть — kṛç уменьшать, kṛça малый.

Мръдамъ Болг. ухожу — mṛd итти (Westerg.)

Пръшати Чеш. итти мелкому дождю — pṛš кропить.

Тръпѣти Ц.-Слав. терпѣть — tṛp довольствоваться.

Знаменитый филологъ и Санскритистъ Боппъ полагаетъ, что звукъ *ṛ* произошелъ въ позднѣйшее время отъ сокращенія слога *ar*. Онъ основывается, совершенно справедливо, на томъ, что этотъ звукъ не простой, и что немногіе только народы его имѣютъ

---

*) Я изображаю ее также знакомъ *ръ*.

(Боппъ говоритъ даже, что онъ свойственъ однимъ Индійцамъ: онъ не зналъ о существованіи *р*-гласной у Славянъ). Но если *ṛ* дѣйствительно образовалось изъ сочетаній *ar*, *ra*, *ri* и т. п., въ которыхъ гласныя съ теченіемъ времени поглощены были рѣзко произносимымъ *r*, то ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести, подобно Боппу, его происхожденіе къ той позднѣй эпохѣ, когда Санскритскій языкъ уже выдѣлился изъ семьи Индо-Европейской. Санскритскій языкъ самъ по себѣ не представляетъ ни малѣйшаго слѣда такого образованія. Въ древнѣйшемъ его памятникѣ, въ Ведахъ, *ṛ*-гласная господствуетъ совершенно также, какъ въ классическомъ языкѣ Браминовъ; съ теченіемъ времени она даже теряется, и вовсе уже не существуетъ въ Пракритскомъ нарѣчіи, родившемся въ Индіи изъ языка Санскритскаго. Притомъ, когда очевидно тождество *р*-гласной Санскритской и Славянской, кто подумаетъ, чтобы онѣ могли произойти въ каждомъ изъ этихъ языковъ независимо, послѣ ихъ обособленія? Напротивъ, *р*-гласная есть драгоцѣнный остатокъ доисторическаго времени, той эпохи, когда Индійцы и Славяне еще не были брошены въ разныя стороны. Она показываетъ ясно, что языки Санскритскій и Славянскій развивались вмѣстѣ долѣе, чѣмъ прочія Индо-Европейскія вѣтви. Что другое могло бы значить образованіе въ

нихъ одинаковаго звука, котораго нѣтъ у всѣхъ прочихъ соплеменниковъ?

Носовые звуки составляютъ общую принадлежность языковъ Санскритскаго, Литовскаго и Славянскаго и исключительную ихъ особенность относительно прочихъ языковъ Индо-Европейскаго племени. Санскритскій носовой звукъ, называемый anusvâra, употребляется собственно только передъ согласными шипящими и *h*, но въ обыкновенномъ письмѣ и въ произношеніи (по ученію Браминовъ), онъ господствуетъ передъ всѣми согласными и на концѣ словъ, замѣняя *n* и *m*. Въ Литовскомъ подобный звукъ является также передъ шипящими и на концѣ словъ. Его выражаютъ подстрочнымъ знакомъ (̨), по примѣру Поляковъ.

Изъ Славянъ одни Поляки еще сохранили вполнѣ носовые звуки, но есть несомнѣнныя доказательства, что они прежде существовали почти у всѣхъ ихъ соплеменниковъ, у Балтійскихъ Славянъ, у Словаковъ, Хорутанъ, Болгаръ. Въ древнихъ Церковно-Славянскихъ памятникахъ они выражаются буквами ѫ и ѧ; первой собственно соотвѣтствуетъ Польское ą, второй ę, но эти звуки въ Польскомъ языкѣ теперь всегда замѣняютъ другъ друга по особеннымъ правиламъ фонетики.

Примѣры докажутъ тождество носовыхъ звуковъ въ языкахъ Санскритскомъ, Литовскомъ и Славянскомъ:

Гѧба (gęba) *) Польск., губа—Санскр. ĝambha подбородокъ.

Зѫбъ Ц.-Слав., Польск., зубъ—ĝambha зубъ.

Мѫтити Ц.-Слав., мѧциць Польск., мутить — manth тожъ.

Мѧсо Ц.-Слав., мѩсо Пол., мясо—mânsa тожъ.

Сѫдити Ц.-Слав., сѫдзиць Польск., судить — çundh очищать.

Сѫчыць Польск., источать воду — sič, sinčâmi кроплю, орошаю.

Сѧкъ Польск., сукъ — çanku стволъ, колъ.

Ѫголь Ц.-Слав., вѧгѥль Польск., уголь — angâra тожъ.

Ѭтро Ц-Слав. печень — antra внутренность.

---

*) Употребляя, для избѣжанія вредной сбивчивости, однообразное правописаніе, основанное на Русскомъ, въ словахъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, я принялъ слѣдующіе знаки, которыхъ у насъ нѣтъ: ѫ и ѧ вмѣсто Польскихъ носовыхъ звуковъ ą и ę, ѭ и ѩ для Польскихъ ją и ję, ѥ для смягченнаго *е* (простое *е* въ словахъ не Русскихъ произносится всегда твердо), *р* для Польскаго и Чешскаго шепелеватаго р (*rz*, ř). Должно еще замѣтить, что буква *г* въ словахъ Верхне-Лужицкихъ, Чешскихъ, Словацкихъ, Малорусскихъ и Бѣлорусскихъ должна быть произносима какъ Латинское, или Нѣмецкое *h*.

Литов. brendu, bręsti наливаться (о хлѣбномъ зернѣ) — Скр. vṛṅh вм. vṛndh расти.

menu, буд. mįsu, неоконч. minti или mįti отгадывать — manjê, maṅsjê, mantum думать.

ginu, gįsu, ginti или gįti обращать вниманіе — gaṅâmi, gaṇsjâmi, gantum считать.

Ц.-Слав. въдова, винит. въдовѫ—Скр. vidhavâ, винит. vidhavâṅ тожъ.

Литов. ratas телѣга, awis овца, sunus сынъ, винит. ratą, awį, sų̨u, — Скр. rathas, âvis, sûnus, вин. rathaṅ, âviṅ, sûnuṅ тожъ.

Ц.-Слав. сѫть, пловѫть, берѫть, бѫдѫть, рождаѭть—Скр. santi, plavanti, bharanti (несутъ), budhjanti, rôhajanti (вмѣсто rôdhajanti) тожъ.

Этимологія показываетъ до очевидности, что носовые звуки принадлежатъ къ позднѣйшему образованію и произошли изъ первоначальныхъ простыхъ согласныхъ *н* и *м*, отъ сокращенія ихъ и сліянія, въ выговорѣ, съ предъидущею гласною. Послѣднія, дѣйствительно, господствуютъ безъ перемѣны во всѣхъ западныхъ Индо-Европейскихъ языкахъ, которые вовсе не знаютъ настоящихъ носовыхъ звуковъ *).

---

*) Носовые звуки въ Зендскомъ языкѣ совершенно другаго свойства, ибо не замѣняютъ согласныхъ *н* и *м*, а суть

Это бросаетъ свѣтъ на доисторическую эпоху нашего племени. Отсутствіе носовыхъ звуковъ у западныхъ народовъ Индо-Европейскихъ позволяетъ догадываться, что они выдѣлились изъ семьи, когда образованіе этихъ звуковъ изъ коренныхъ *м* и *н* еще не начиналось; одинаковое же господство ихъ у Индійцевъ, Литвы и Славянъ указываетъ на то, что сіи народы еще находились вмѣстѣ, когда происходило это образованіе.

Въ Санскритскомъ языкѣ коренное *к* весьма часто переходитъ въ шипящій звукъ, который отличается отъ простаго *s* начертаніемъ *) и, какъ увѣряютъ, произношеніемъ, занимающимъ середину между *s* и *š* (*с* и *ш*), но который нерѣдко съ ними смѣшивается. Языки Греческій, Латинскій, Нѣмецкій и Кельтскій вездѣ сохранили коренное *к* (или звуки, его замѣняющіе: *g*, *h*), и нѣтъ, я думаю, соотвѣтствія звуковъ, которое соблюдалось бы точнѣе. Изъ этого слѣдуетъ, кажется, за-

чуждыя корнямъ и образованію словъ вставки, порожденныя, вѣроятно, общимъ въ этомъ языкѣ носовымъ выговоромъ (на пр. Зенд. vačaṅhaṅm, Скр. vačasâm рѣчей). Французскіе же и Португальскіе носовые звуки произошли въ столь позднее время, что нисколько не идутъ въ сравненіе съ явленіями языковъ первообразныхъ.

*) Выражая Санскр. слова Латинскими буквами, обыкновенно означаютъ его начертаніемъ ç.

ключить, что когда обособились языки западной Европы, образованіе *ç* еще не начиналось, и древнѣйшее *k* господствовало въ полной силѣ. Но древне-Персидскія парѣчія, которыя во всемъ прочемъ съ ними сходятся, на этотъ разъ приближаются къ Санскритскому языку, употребляя, въ замѣнъ *ç*, не гортанный звукъ, а шипящій *); что, впрочемъ, легко объясняется близостью и общеніемъ Азіятскихъ вѣтвей нашего племени. Замѣчательны измѣненія звука *ç* у Литвы и Славянъ. Съ одной стороны ему нерѣдко соотвѣтствуютъ также шипящіе звуки: *с*, *з*, *ш*; съ другой, не менѣе часто сохраняется коренная гортанная *к* (или согласныя, изъ *к* происходящія, *ц* и *ч*). Мы сочли себя въ правѣ предположить, по нѣкоторымъ филологическимъ даннымъ, что западные языки Индо-Европейскаго племени отдѣлились отъ восточныхъ, когда еще не начиналось то развитіе, которое превратило твердыя согласныя *н* и *м* въ носовые звуки, и которое проявилось только въ послѣднихъ. Теперь этотъ выводъ подтвердится для насъ другимъ соотвѣтствующимъ явленіемъ: языки западно-Европейскіе оторвались отъ общаго, Азіятскаго, кор-

---

*) Принято выражать его тѣмъ же знакомъ *ç*, но произношеніе его въ точности неизвѣстно.

ня, когда *к* еще не начинало замѣняться шипящею; когда же обособились Литва и Славяне , это образованіе уже происходило , и потому они перенесли съ собою въ Европу столько словъ, гдѣ, вмѣсто древняго *k*, находится новѣйшее *с* или *ш* (это измѣненіе, впрочемъ, такъ несвойственно ихъ духу, что не могло имѣть мѣста въ эпоху ихъ самобытнаго существованія). Но въ то время , когда Литва и Славяне двинулись на сѣверъ, переходъ *к* въ *с* еще не прекращался, и поколѣнія, оставшіяся въ Азіи , продолжали его уже отдѣльно, и, такимъ образомъ, представляютъ много корней и словъ со звукомъ *ç*, въ которыхъ Литва и Славяне сохранили гортанную *к*.

Для любопытныхъ можно будетъ привести нѣсколько сравненій:

1) Санскр. ç, Слав. и Литовское *к* (*ц*, *ч*):

Санскр. и Зенд. diç показывать, Греч. δείκνυμι; δίκη право; Лат. dico, in-dico; Гот. taik-nja показываю: — Слав. дика (Серб.) слава.

Скр. çî лежать, покоиться, çaja покой, ложе, Греч. κεῖ-μαι лежу, Лат. qui-es покой, Гот. hê-thjô опочивальня:—Слав. по-чить, по-кой, Литов. ki-nís ложе животнаго, особенно въ соломѣ.

Скр. çambara рыба — Русск. камбала.

Скр. çrath связывать, Греч. κάρταλος корзина, Лат. crates рѣшетка:—Литов. kratas рѣшетка; Слав. у-кротить, краткій.

Скр. çrâņa сырой, мокрый:—Лит. klanas лужа.

— çrâm говорить, звать (Wils): — Слав. крамляти (Хорут.) говорить; крамола, заговоръ.

— çikhâ макушка, верхъ:—Серб. цикъ голова.

— çiçira морозъ: — Русск. (орлов.) чичеръ холодный вѣтеръ съ изморозью.

2) Скр. ç, Слав. и Литов. с (*ш*, *з*):

Скр. açva лошадь, Зенд. açpa, Лат. equus (eq=aç, uus — оконч. vas): — Лит. ašwa кобыла.

Скр. З. daçan десять, Греч. δέκα, Лат. decem, Гот. taihun, Кельт. въ Бретани dek: — Лит. dešimt, Слав. десѧть.

Скр. paç видѣть, Лат. specio, др.—Нѣм. spêho высматриваю, Ирланд. faicim вижу, feachaim смотрю:—Серб. пазити смотрѣть.

Скр. З. çata сто, Греч. ἑ-κατον (вмѣсто ἕν κατον т. е., одно сто, какъ Нѣмцы говорятъ ein Hundert), Лат. centum, Ирл. ceat, Бретан. kant:—Литов. šimtas, Слав. съто.

Скр. З. çru слышать, Греч. κλύω, Лат. cluo, inclutus, Гот. hliu-munt слава, hliu-ma ухо, Ирл. clui-nim слышу, cluas ухо: — Лит. šlowe слава, Слав. слути, слава.

3) Скр. ç, Лит. и Слав. *с* и *к*:

Скр. З. paçu скотъ, Лат. pecus. Гот. fihu: — Лит. (по древне-Прусск. нарѣчію) pecku (чит. peku) тожъ; — Слав. песъ, Чеш. паш-ка свинья.

Скр. çâka зелень: — Ц.-Слав. сочиво тожъ, сочевица чечевица; Серб. чочка, Русск. чечевица.

Скр. çâva, çâvaka щенокъ: — Серб. куя сука (*у* правильно замѣняетъ âv, âva), куче щенокъ, кучка сука, кучакъ песъ, Верхне-Луж. гавакъ собака; Русск. собака, шавка, сука.

Скт. çudh, çundh очищать, çuddha чистый, правильный, Ирланд. cuidh чистый: — Чеш. цудити чистить, древ.-Чеш. цуда земскій судъ; — суды четный, Ц.-Слав. сѫдити судить.

Скр. çûna высокій: — Русск. (нижегор.) кунѣть расти; Ц.-Слав. суна башня.

Скр. viç, vêça домъ, жилище, Лат. vicus: — Полаб. weika городъ; др.-Русск. вѣжа башня, шатеръ, Н.-Луж. вяжа домъ (*ж* здѣсь соотвѣтствуетъ *ç*, какъ звуку родственному гортан-

нымъ, ибо *ж* = *г*); Литов. ûkis жилище; — Ц.-Слав. вьсь деревня; Литов. wěš-patis господинъ (Скр. viç-patis тожъ, собств. домохозяинъ); сюда же, вѣроятно, относится и Польск. вацпанъ.

Съ этимъ переходомъ *k* въ *ç* имѣетъ чрезвычайное сходство замѣна коренныхъ согласныхъ *k* и *g* (*г*) позднѣйшими звуками *č* (*ч*) и *ǧ* (*ж*). Вся разница состоитъ въ томъ, что образованіе *ç* изъ *k* не свойственно Славянскому и Литовскому языкамъ въ отдѣльности, тогда какъ Славяне и послѣ своего обособленія сохранили способность превращать гортанныя согласныя въ соотвѣтствующія имъ небныя *ч* и *ж*. Можно, однако же, легко отличить небные звуки, порожденные на Славянской почвѣ, отъ тѣхъ, которые произошли въ доисторическое время, предшествовавшее выходу Славянскаго племени изъ Азіи: первые всегда почти производятся вліяніемъ смягчающихъ звуковъ *j* или *i* на *к*, *г*, тогда какъ послѣдніе совершенно независимы отъ смягченія.

Здѣсь приходится повторить тѣ же заключенія, къ какимъ привело насъ образованіе звука *ç*. — Въ то время, когда обособились Западно-Европейскіе языки, еще не было согласныхъ небныхъ *č*, *ǧ*, и старинныя гор-

танныя *k*, *g* господствовали исключительно. Въ самомъ дѣлѣ, ни Греки, ни древніе Италійцы, ни Германскіе народы, ни Кельты не знаютъ небныхъ звуковъ и всегда употребляютъ вмѣсто ихъ гортанные. Славяне и Литва послѣ того оставались въ первобытномъ единствѣ еще довольно долго, чтобы перенести изъ Азіи въ Европу множество корней, въ которыхъ уже показалось *ч* и *ж*, но и послѣ ихъ выхода образованіе этихъ звуковъ продолжалось въ Азіи: отъ того Санскритскій языкъ часто употребляетъ ихъ тамъ, гдѣ Славянскій и Латинскій удержали *к* и *г*. Наконецъ, Зендскій языкъ въ этомъ отношеніи сходится съ Санскритскимъ, а не съ Западно-Европейскими: то же самое, что мы видѣли прежде, при звукѣ *ç*.

Такъ какъ небныя согласныя, которыми Славянскій и Литовскій языки отличаются отъ своихъ Европейскихъ собратьевъ,—когда мы уже ознакомились съ судьбою звука *ç*, — не представляютъ намъ ничего новаго, то и не нужно, мнѣ кажется, входить объ нихъ въ дальнѣйшія подробности. Но я не могъ обойти ихъ совершенно молчаніемъ, потому что онѣ замѣчательнымъ образомъ подкрѣпляютъ предположенія, къ которымъ насъ привело Санскритское *ç*.

Остается намъ взглянуть на послѣднюю особенность, отличающую западную половину Индо-Евро-

пейскихъ языковъ отъ восточной, на *смягченіе*. Смягченіемъ называется соединеніе полугласной *j* съ предшествующею согласною, которая съ нею сливается въ одинъ новый звукъ. Въ западныхъ языкахъ Индо-Европейскаго племени смягченіе не существуетъ вовсе. Въ трехъ восточныхъ замѣтно одинаковое къ нему стремленіе, но оно проявилось только въ историческое время, когда они развивались каждый особо. Санскритскій языкъ самъ по себѣ представляетъ не болѣе, какъ слабые зачатки смягченія; но потомъ оно оказалось въ немъ весьма сильно, когда онъ сталъ разрушаться и превратился въ новое нарѣчіе, извѣстное подъ именемъ Пракритскаго. Пракритскій языкъ постоянно смягчаетъ t въ č, *d* въ ğ (чит. *дж.*), напр. amačča, viğğâ, Скр. amâtja, vidjâ. То же самое бываетъ у Литвы и у Славянъ. Въ Литовскомъ языкѣ *t* точно также переходитъ въ č, *d* въ *dž*, на пр. отъ naktis ночь, širdis сердце дат. падежъ nakčej, sirdžej вм. naktjej, širdjej; у Славянъ *т* смягчается въ *ч*, также въ *шт* (*щ*), и *ц* (на пр. отъ свѣтить—Русс. свѣча, Ц.-Слав. свѣшта, Польск. свѧца вмѣсто свѣтя); *д*—въ *ж*, *дж*, *дз*, *жд* (на пр. отъ видѣть—Р. вижу, Ц.-Слав. виждѫ, Польск. видзѧ, Верх. Луж. виджу вм. видѭ). Но Пракритскій языкъ остановился на этой первой степени смягченія, а Ли-

товскій и Славянскій пошли далѣе и подвергли ему согласныя гортанныя *к*, *г*, *х* и шипящія *с*, *з*, *ц* (вторая степень). Литовскій языкъ повторилъ при этомъ совершенно то же явленіе, какое представляетъ Санскритскій относительно согласныхъ *d* и *t*. Самъ по себѣ онъ чуждается второй степени смягченія, но она развилась въ позднѣйшемъ его нарѣчіи, Латышскомъ, (на пр. celt поднимать, cirst рубить, dzert пить, dzêst гасить—Литов. kelti, kirsti, gerti, gesîti; wêrsis быкъ, âzis козелъ, lâcis медвѣдь въ родит. пад. wêrša, âža, lâča вм. wêrsja, âzja, lâcja). Славянскій языкъ во всѣхъ своихъ отросляхъ, болѣе или менѣе, употребляетъ эти же переходы: онъ превращаетъ *к* въ *ц* и *ч*, *г* въ *з*, *дз* и *ж*, *х* въ *с* и *ш*, *с* въ *ш*, *з* въ *ж*, *ц* въ *ч* (на пр. Ц.-Сл. влъкъ, врагъ, мѣхъ имен. множ. влъци, врази, мѣси; младѣньць зват. младѣньче; Польск. дрога дорога, мѣст. пад. въ дродзе; писать, мазать, махать — пишу, мажу, машу). Но какъ Пракритскій языкъ развилъ смягченіе далѣе Санскритскаго, Латышскій далѣе Литовскаго, такъ нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, въ позднѣйшее время, со второй степени смягченія перешли на третью и подвергли ему, съ одной стороны, согласную *р*, которую превратили въ *р̇* (*rz*, *ř*), *с*, *ш* (на пр. три, Чеш. трˇи, Польск. тṙы, Верх.-Лужиц.

тсё; при, Чеш. při, Польск. пры, Верх.-Луж. пши), съ другой—губныя *б*, *в*, *м*, *п*, которыя, не будучи въ состояніи измѣняться сами, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, не терпя подлѣ себя мягкихъ звуковъ, стали брать себѣ на помощь плавную *л* (на пр. земля, люблю вмѣсто первоначальнаго и Польскаго земя, любѩ). Образованіе этихъ звуковъ можно прослѣдить по письменнымъ свидѣтельствамъ: смягченное *р* еще не извѣстно древнѣйшимъ Чешскимъ памятникамъ и появляется только въ рукописяхъ XII вѣка; точно также Глаголитскіе памятники сохранили намъ постепенное появленіе вставки *л* при губныхъ согласныхъ.

Нельзя не сознаться, что смягченіе, которое въ языкахъ Санскритскомъ, Литовскомъ и Славянскомъ проявилось уже послѣ обособленія и, оказывая въ каждомъ изъ нихъ различную силу, развивалось неуклонно по одному пути, такъ что Славяне продолжали начатое Литовцами, Литовцы - Индусами, — нельзя не сознаться, говорю я, что такое движеніе свидѣтельствуетъ о тождествѣ звуковаго устройства у восточныхъ вѣтвей Индо-Европейскаго племени *).

---

*) Въ Іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за 1853 г. былъ помѣщенъ разборъ моего сочиненія «О сродствѣ языка Славянскаго съ Санскритскимъ,» въ которомъ я изъ подробнаго лексическаго сравненія этихъ языковъ ду-

Таковы звуковыя особенности, отличающія языки Санскритскій, Литовскій и Славянскій отъ родственныхъ имъ языковъ западной отрасли. Въ совокупности онѣ весьма знаменательны. Онѣ, съ одной стороны, показываютъ, какъ

малъ вывести, представленное здѣсь въ общемъ очеркѣ, заключеніе объ особенномъ, ближайшемъ ихъ сродствѣ. Г. рецензентъ съ моимъ мнѣніемъ не соглашается, и стоитъ за мысль Гриммову, что «Нѣмцы, Славяне и Литовцы должны были оставаться долго вмѣстѣ по отдѣленіи своемъ отъ остальныхъ народовъ Индо-Европейскихъ,» и что, слѣдовательно, между ихъ языками существуетъ ближайшее родство (хотя онъ и сознается, что изъ всѣхъ языковъ Индо-Европейскаго корня Литовскій самый близкій къ Санскритскому — мы увидимъ, въ какой мѣрѣ это справедливо — и что Славянскій чрезвычайно близокъ къ Литовскому). Но мнѣ кажется, что онъ недостаточно отличилъ историческое родство, происшедшее между языками Нѣмецкимъ, Литовскимъ и Славянскимъ въ слѣдствіе тысячелѣтняго пребыванія въ Европѣ, тысячелѣтняго общенія и обмѣна мыслію и словомъ, отъ кореннаго, органическаго строя звуковъ, которымъ языки Славянскій и Литовскій связываются съ Санскритскимъ тѣснѣе, нежели съ Нѣмецкимъ. Только о послѣднемъ говорилъ я въ означенной книгѣ и говорю теперь, ни мало при томъ не сомнѣваясь, что многовѣковая жизнь племенъ Германскаго, Литовскаго и Славянскаго въ Европѣ, подъ одинаковыми условіями Европейской почвы, Европейской дѣятельности, Европейской мысли, придала ихъ языкамъ какой-то общій, Европейскій складъ, тогда какъ Азіятскія вѣтви той же семьи, развиваясь подъ своими условіями жизни, получили, съ своей стороны, особенную физіономію. Объ этомъ между г. рецензентомъ и мною и спора быть не

мнѣ кажется, ясно, что восточные языки Индо-Европейскіе имѣютъ общее звуковое устройство, соединяющее ихъ, такъ сказать, въ одну семью и отдѣляющее ихъ рѣзко отъ западныхъ членовъ того же племени. Съ другой стороны онѣ намекаютъ на любопытное историческое явленіе и переносятъ насъ во времена старины почти недосягаемой, отъ которыхъ не осталось ни преданія, ни памятника, но которыя оживаютъ въ звукахъ Индо-Европейскаго слова. Законы языка, о которыхъ мы говорили, свидѣтельствуютъ единогласно, что не всѣ народы нашего племени въ одно время выдѣлились изъ первобытнаго единства и перешли изъ Азіи въ Европу. Греки, Ѳракійцы, Италійцы, Германцы, Кельты удалились первые, когда еще не было въ языкѣ всѣхъ этихъ звуковыхъ движеній, нами разсмотрѣнныхъ, когда согласныя *н* и *м* еще не ослаблялись въ носовые звуки, гласныя при *р* не скрадывались и еще не было *р*-гласной, *к* не переходило въ *ç̆*, гортанныя *к*, *г* не начинали превращаться въ небныя *ч*, *ж*, когда, наконецъ, еще вовсе

можетъ; а что касается до ближайшаго органическаго сродства Санскритскихъ звуковъ съ Литовскими и Славянскими и органической же особенности звуковъ Персидскихъ и Западно-Европейскихъ, то опроверженія его нисколько не поколебали моего убѣжденія, и я надѣюсь здѣсь обобщить свою мысль и тѣмъ сдѣлать ее яснѣе.

не ощущалась склонность къ смягченію согласныхъ; Литва же и Славяне дождались образованія всѣхъ этихъ особенностей и, отрѣшаясь отъ древняго единства, успѣли уже перенести въ Европу множество такихъ звуковъ, которые остались чужды Западно-Европейскимъ народамъ. Но въ ту пору, когда Литва и Славяне сдѣлались самобытными, всѣ эти движенія звуковъ еще не пришли къ концу и во многихъ случаяхъ продолжались, уже отдѣльно, у ихъ родственниковъ, оставшихся въ Азіи и выработавшихъ себѣ языкъ Санскритскій.

Итакъ можно предположить, что ближайшее, частное родство между языками: Санскритскимъ, Литовскимъ и Славянскимъ, произошло отъ болѣе продолжительнаго доисторическаго единства и общенія. Безъ сомнѣнія, основныя ихъ стихіи были тѣ же, что у всѣхъ прочихъ Индо-Европейскихъ отраслей; но они долѣе развивались вмѣстѣ, оставаясь въ первоначальномъ единствѣ, и потому могли дать просторъ общимъ стремленіямъ и образовать себѣ общій характеръ. Напротивъ, соплеменные языки западные, получивши прежде самостоятельную жизнь, вынесли изъ древняго единства стихіи менѣе опредѣленныя и отъ того поддались такъ легко, уже на своей почвѣ, каждый совершенно особеннымъ склонностямъ.

Мы замѣтили, что всѣ эти языки давно исчезли и оставили по себѣ вторичныя нарѣчія, тогда какъ на Востокѣ еще живутъ и процвѣтаютъ два великіе языка первичнаго образованія, Славянскій и Литовскій: ужъ не проистекла ли смерть первыхъ отъ того, что они рано начали жить сами по себѣ и, отдѣлившись прежде полнаго развитія, должны были многое выработать собственными силами, и тѣмъ скоро истощились? А долговѣчность языковъ Литовскаго и Славянскаго, не совпадаетъ ли она съ ихъ позднимъ обособленіемъ и богатствомъ вынесеннаго изъ Азіи звуковаго наслѣдства, котораго восполнять имъ не было нужды? И, наконецъ, этотъ различный характеръ Индо-Европейской рѣчи въ западной Европѣ и въ восточной не соотвѣтствуетъ ли историческому характеру двухъ великихъ половинъ Европы? На той же сторонѣ, гдѣ находимъ раннее обособленіе языка и господство частныхъ звуковыхъ законовъ, мы видимъ и преобладаніе л и ч н о с т и надъ о б щ и н о ю, и скорѣйшее развитіе, которому помогло это преобладаніе личности; а на другой сторонѣ, позднее отдѣленіе языка Славянскаго и его вѣрность звукамъ, вынесеннымъ изъ доисторической родины, изъ Азіи, не согласно ли съ медленнѣйшимъ ходомъ Славянскаго племени, въ ко-

торомъ менѣе выказывалась личность, но крѣпче хранилось общественное начало?

Кромѣ разсмотрѣнныхъ нами особенностей въ языкахъ Санскритскомъ, Литовскомъ и Славянскомъ, которыя привели насъ къ этимъ предположеніямъ, ихъ ближайшее родство проявляется еще въ безчисленныхъ корняхъ и словахъ. При ихъ сближеніи мы никогда почти не встрѣчаемъ тѣхъ значительныхъ измѣненій звуковъ, какія безпрестанно попадаются въ языкахъ Ново-Персидскомъ и западно-Европейскихъ. Славянскія и Литовскія слова, сравнительно съ Санскритскими, или вовсе не представляютъ отступленій, или удалились такъ мало*), что все таки остается замѣчательное сходство. Для большаго подкрѣпленія сказаннаго мною, приведу въ доказательство самые факты. Вотъ списокъ Литовскихъ и Латышскихъ словъ, начинающихся на *ка*, которыя отмѣчены въ лексиконахъ

---

*) Самыя обыкновенныя измѣненія, одинаково распространенныя и во всѣхъ прочихъ Индо-Европейскихъ языкахъ, суть: переходъ Санскритскаго *а*, *á* въ *е*, *о* (этихъ гласныхъ не было въ Санскр. языкѣ); *i* въ *ѣ* (*é*), *и* въ *ы* (Литэв *аи*) и обратно; смѣшеніе *р* и *л*, *б* и *в*, двухъ послѣднихъ согласныхъ и *м*; переходъ Санскр. *kš* или въ *к*, или *ш с*; вставка, или пропускъ *н*, или *м* передъ другой согласной, и, наконецъ, извѣстныя намъ измѣненія *ç* въ *к* и гортанныхъ согласныхъ въ небныя.

Нессельманна и Штендера и сравнены мною съ Санскритскими. Дабы показать, какъ велико число аналогій между этими языками и Санскритскимъ, и какъ мало случаевъ, гдѣ аналогіи нельзя найти, я выписалъ также и тѣ первообразныя Литовскія и Латышскія слова, которымъ не съумѣлъ отыскать соотвѣтствія: *)

Лит. kabù, kabêti висѣть, kimbu, kibti привѣшиваться, прилипать, Латш. kabinât прицѣплять: Скр. çamb привязывать.

Латш. kacêt подавать, привязывать: çâkh проникать, обхватывать.

— kacinât вывѣдывать: çak узнавать (cognoscere.)

Лит. kac-ka бревно, перекладина: çakhâ сукъ.

— kadakóti кудахтать: kand кричать.

— kàdarej лохмотья[1].

— kagénti гоготать: kağ издавать громкій звукъ.

Лтш. kaja чайка (птица) . . . . . .

— kâja, Лит. kója нога: čaj ходить.

Лит. kailis тулупъ: čil одѣвать, čêla одежда, сукно.

---

*) Исключены только нѣкоторыя названія птицъ, рыбъ, растеній и техническіе термины, которыхъ производство чрезвычайно затруднительно, потому что они почти всегда названы по особеннымъ признакамъ, намъ неизвѣстнымъ.

— kaimas деревня: kšamâ земля (?).

— kaimêne стадо. . . . . .

— kaire лѣвая рука: kara рука.

Лтш. kairêt дразнить: kṝ обижать.

— kaisît разсыпать: kaç толкать, уничтожать.

Лит. kaistu, kaisti быть теплымъ, kaitinti грѣть, жечь, Лтш. kaist горѣть: kuṭ быть теплымъ, жечь.

Лтш. kaitêt вредить, недоставать: kaṭh жалѣть, терпѣть недостатокъ, kuṭ смущать, вредить.

— kakale scrotum: . . . .

Лит. kakalóti врать, болтать.[1]

Лтш. kâkis, Лит. kôka позорный столбъ: çanku стволъ, çâkhâ сукъ.

Лит. káklas горло, Лтш. kakls. . . . .

Лтш. kákslis зобъ: kakša бокъ.

Лит. kakšle моль. . . . .

Лтш. kakts уголъ: kakšâ отгороженное мѣсто.

Лит. kakta лобъ: çankha лобовая кость.

— kakù, kakêti достигнуть: çâkh проникнуть, овладѣть.

— kalatiju, kalatiti ссориться: krath повреждать, убивать (впрочемъ, это слово, вѣроятно, передѣлано изъ Русскаго колотить).

Лит. kaláwijas мечъ: karavîra тожъ (сложное изъ kara рука и vîra сила, или изъ kara дѣлающій и vîra мужъ, воинъ).

— kalbù, kalbêti говорить: klap говорить невнятно.

— kale сука. . . . .

— kal-îbas ошейникъ бѣлой шерсти у собакъ цвѣтной масти: kharu бѣлый.

— kálnas гора. . . . .

— kaloti, koloti бранить: kal кричать.

Лтш. kalstu, прош. kaltu, kalst сохнуть. . . . .

Лит. kal-te долгъ, kal-tas должный: skhal скользить, колебаться, грѣшить, быть должнымъ.

— kâlù, kalti ковать, обрубать камни, щелкать (какъ аистъ), Лтш. kalju, kalt ковать; Лит. kâlù, kâlĕti быть скованнымъ: kal издавать звукъ; ударять; съ предл. *â*, связывать.

— kalwà холмъ, Лтш. kalws мысъ: grâvan гора.

Лтш. kalws морской заливъ. . . . .

Лит. kamana узда: (кор. ça̧m связывать, неуп., откуда): ça̧m-itra привязываніе скотины (tying cattle).

Лтш. kamanas сани. . . . .

— kamas глыбы, недавно взвороченныя. . . . .

— kamesis плечо. . . . .

Лит. ká̆maros сладострастіе: kam любить, kamara похотливый.

— kamĕna толстый конецъ срубленнаго дерева. . . . . .

Лтш. kamêt изнурять: ç̦am тожъ.

— kampju, kampt хватать: bâpajâmi отвлекаю, хватаю (собств. заставляю оставить, отъ корня bâ).

Лит. kampas уголъ, край. . . .

— kan-apĕs конопля: ç̦aṇa тожъ.

— kandù, kąsti кусать: kaṇḍ грызть.

— kánka мýка. . . . .

— kankalas колокольчикъ, kanklas гусли.[1]

Лтш. kankars комокъ, катышокъ: čakra кругъ, куча.

Лит. kankine wirwe вервь, скрученная изъ лыка: čanĉâ рогожа.

— kanópa копыто. . . .

Лит. kantápiti приставать съ просьбою: kaṇṭh тужить, желать, čat просить.

— kapanóti лежа на спинѣ, барахтаться: kap двигаться.

— kapóti, Лтш. kapât рубить, копать киркóю, Лит. kápas, Лтш. kaps могила: čap толочь.

Лтш. kâpe гусеница. . . .

— kâpjù, kâpt, Лит. kôpu, kôpti всходить: čap, kêp итти.

Лит. káras войско, война: kâra работа, усиліе, состязаніе, древне-Персид. kara войско.

— karas оспа. . . .

— kárdas мечъ, шпага: karaṇḍa тоже.

— kardèlus родъ каната. . . .

— kardutis косточка въ вишнѣ: khard грызть.

Лтш. karinât медлить: čar сомнѣваться.

— kâri, Лит. kóris сотъ: çâra желтый.

— karjóte ложка: karôṭa черепъ.

Лит. kárka рука (у плеча): kalači тоже.

— karkiu, karkti клохтать, жужжать, гоготать, Лтш. karcu, kârkt клохтать, квакать: kark смѣяться, čarč, ğarğ кричать.

— karklas ива. . . .

— karlauka ель. . . .

— kárna лыко. . . .

Лтш. kârnît чистить: kharu бѣлый.

Лит. karpa бородавка. . . .

Лтш. kârpis клопъ: kṛp-aṇa червякъ.

— kârpît рыть землю копытомъ. . . .

— kârs пріятный: hâri прекрасный, hârin восхитительный.

— kârstu, kârst разогрѣваться, Лит. karštas жаркій: kṛçâku нагрѣваніе, kṛç-âṇu огонь.

Лит. iš-karštu, iškaršti старѣть, karše ста-

рость: kṛç ослаблять, уменьшать, kṛça худой, слабый.

Лтш. karšas пирогъ: kṛç-ara кушанье, изготовленное изъ риса.

Лит. karšinti удерживать: kṛš укрощать, тащить.

— karšis карась: kaliça родъ рыбы.

— karštas яма: kṛš рыть.

— karšu, karšti чесать (ленъ, лошадь), бить: kṛš царапать, повреждать.

— karta рядъ, Лтш. образъ, способъ; kartą, Лтш. kârt разъ. . . .

— kártis ж. жердь: kaṭa тонкій кусокъ дерева, доска (a thin piece of wood, a plank. Wils).[1]

— kartis м. грива. . . .

Лтш. kârtns жиловатый (о деревѣ). . . .

Лит. kartùs горькій. . . .

— kârù, kárti, Лтш. karju, kârt вѣшать: kal съ предл. â привязывать.

— karúna знамя, вѣроятно происходитъ отъ karas войско.

— karw-atka сосудъ для питья: çarâva блюдо.

— karwe корова.[2]

— karwélis голубь: kalarâva тоже.

— karwójas коровай: karambha пирогъ.

— kas который, kad когда, kadà? когда? kač хотя: kas который, kadâ когда.

Лтш. kasa чесотка: kṛš царапать.[3]

— kâsas свадьба. . . . .

Лит. kasâ коса: kèça волоса.

— kasau, kasîti царапать, kasu, kàsti рыть: kṛš тоже.[3]

Лит. kâsis петля. . . . .

Лит. kasulas копье: kâsû тоже.

Лтш. kaša кожаный карманъ, Лит. kašus корзина: kôša всякаго рода вмѣстилище.

— kâsu, kâst, Лит. kòšu, kôšti цѣдить. . . . .

Лит. kat вотъ. . . . .

— katas якорь. . . . .

— katàs котъ. . . . .

— katěkis покрывало: kaṭ покрывать.

— katenka родъ корсета: kaṭakā поясъ.

— katilas котелъ: kaṭhina горшокъ.

— kat-ilinti болтать, врать: kath говорить.

— katras который изъ двухъ: katara тоже.

Лтш. kâts, Лит. kótas стебель: kaṭa трава.

Лит. katuróti, katulóti щекотать. . . . .

Лтш. kaudze куча хлѣба. . . . .

Лит. kauju, kauti сражаться, Лтш. kauju, прош.

kâwu, kaut убивать: (кор. ç̧u неупотр., отъ него:) ç̧ava трупъ, ç̧âva мертвый.

Лит. kaukale родъ морской птицы: kôka родъ гуся.

— kaukaras холмъ: kukîla гора.

— kaukas «ein Aeraun, ein unterirdisches kleines Männlein»: kôča человѣкъ отверженнаго происхожденія.

— kaukas нарывъ. . . .

— kaukiu, kaukti, Лтш. kaucu, kaukt выть: kuč тоже.

— kaukolas черепъ: çankha лобовая кость.

— kaulas, Лтш. kauls кость: kulja тоже.

— kjaule свинья: kôla боровъ.

— kauliti спорить: (prati) kûl тоже.

Лтш. kauns стыдъ: ç̧ôn краснѣть.

Лит. kjaune куница. . . .

Лтш. kaupe морская птица. . . .

Лит. kjauras дырявый, разломанный: khur ломать.

Лтш. kausis тазъ, Лит. kaušas черпалка, kjaušas скорлупа: kôša всякаго рода сосудъ или вмѣстилище.

— kaustît ковать. . . .

Лит. kjaušu, kjaušti бродить: kaç ходить.

— kjautas шелуха: kuṭh окружать, покрывать.

Лтш. kawêt медлить (вмѣсто kamêt): ҫam тожъ.

Лит. kawóti хранить, питать: khav дѣлать счастливымъ.

Лтш. kaza коза: čhagâ то же.

Чтобы показать подобнымъ образомъ родство Славянскихъ корней и словъ съ Санскритскими, я избираю для сравненія областныя Великорусскія слова, начинающіяся съ тѣхъ же буквъ. Руководствомъ будетъ служить неоцѣненный для филологическихъ изысканій трудъ, недавно изданный II Отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Безъ сомнѣнія, онъ теперь находится въ рукахъ у всѣхъ людей, сочувствующихъ Русскому слову, и потому я не стану приводить въ моемъ спискѣ, какъ прежде, тѣ коренныя слова, которымъ я не нашелъ бы аналогіи: всякій можетъ самъ справиться, много ли подъ буквами *ка* Русскихъ областныхъ словъ, которымъ не соотвѣтствовали бы, или въ цѣломъ составѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ корнѣ, Санскритскія.

кабáнъ вят. стогъ сѣна: ҫamb собирать въ кучу.

кабя́кнуть тамб. ударить объ земь. [1]

кавардáкъ моск. жидкое кушанье, симб. дурной напитокъ. [1]

кáв-ка астр. лягушка, кав-áшъ арх. утиный дѣтенышъ: ku издавать звукъ.

кавза́ться смол. *) кататься по льду (вмѣсто калзаться): kr̥š тащить, погонять.

кàвинки олон. маленькіе колья: kambi бамбукъ.

кав-ни́къ ряз. колдунъ: kavi поэтъ (ср. Латин. vates).

ка́га перм. дитя: ğaha-ka тожъ.

кагане́цъ кур. плошка, вмѣсто калгане́цъ, см. ниже калга́нъ.

ка́домить оренб. ходить безъ дѣла изъ дома въ домъ. [1]

кад-у́къ смол. дьяволъ: kâṇḍa злой.

кад-ы́чить костр. и др. кричать, сильно плакать: kand тоже.

ка́довь влад. большой чанъ: kuṇḍa ведра.

каза́ть ворон. и др. говорить: kas, çâs приказывать.

кази́ть ворон. портить, кази́ться съ ума сходить: kaç вредить.

казу́лька кур. букашка (собств. козулька): kusû червякъ.

---

*) Я стараюсь объяснить здѣсь путемъ сравнительнымъ всѣ, начинающіяся на *ка*, коренныя слова, какъ они помѣщены въ «Опытѣ Областнаго Великорусскаго Словаря»; но должно замѣтить, что многія изъ нихъ собственно не относятся къ Великорусскому нарѣчію: слова изъ южныхъ уѣздовъ Курской и Воронежской губ. принадлежатъ къ нарѣчію Малорусскому, изъ западныхъ уѣздовъ Смоленской и южныхъ Псковской—къ Бѣлорусскому.

ка́ить пск. говорить, ка́е кур. (вставочное слово) молъ: khjâ говорить.

как-аты́ смол. башмаки сплетенные изъ коры: çak-ala кора.

како̀вка новг. костыль, твер. кочерга: çanku стволъ, копье.

каку́ра ряз. родъ пышки.[1]

кала́-бандать олон. стучать: kal шумѣть, ударять и badh ударять.

кала-бу́дка вор. родъ шалаша: khala мѣсто (earth, sediment, place. Wils).

кала́б-ухъ тул. родъ хлѣба: karambha пирогъ.

кал-айда́ть арх. стучать; кал-айдакать дон. разговаривать: kal издавать звукъ, шумѣть, ударять.

кала́-ужъ камч. сума, задергиваемая ремнемъ, кала́-узъ том. узелъ съ поклажей; карманъ: khalla кожаная сума; ужъ, узъ принадлежитъ къ корню вязать, уза.

калг-а́нъ моск. кувшинъ съ отбитою шеею: karka кувшинъ.

ка́лги арх. родъ лыжъ: karğ итти, ходить; ср. ка́льги.

калд-угъ сарат. родъ хлѣва: krd-ara (въ Ведахъ) домъ, жилище.

калд-ыха́ть смол. хромать, колт-ыха́ть кур.

ковылять; колд-ыхну́ть олон. выпить вина: khôḍ, khôṭ хромать, khôṭ ѣсть. [3]

кал-е́вка, ка́ливо смол. малое количество чего либо: kala тожъ.

ка́лигвы твер. башмаки, см. ка́лги.

кали́ка арх. нищій: khala дурной, подлый.

кали́ть ряз. бранить: kal шумѣть.

калт-усъ сибир. болото, арх. кустарникъ на болотѣ: kîrti грязь, kṛtsa вода.

калч-а̀нъ твер. чаша для укладки хлѣбнаго тѣста: karka кувшинъ.

калы́-балы влад. вздоры, сплетни: kala пустой разговоръ, обманъ и bhall говорить.

кал-ы́къ тул. толстякъ: kalja здоровый.

каль арх. родъ мѣшка; тул. осмина: khalla кожаный мѣшокъ.

ка̀льги нжг. ноги: karǧ ходить.

кальпа́ны олон. нищіе: kṛpaṇa бѣдный.

каль-ша́ каз. временное кормленіе лошадей въ полѣ: ĉal кормить.

калязи́ны смол. углубленія, происшедшія отъ тренія колесъ: kṛvi яма.

кал-я́куша перм. говорунъ: kal шумѣть.

кал-я́ный орл. твердый, пск. крѣпкій: kalja здоровый.

калять ворон. и др. маратъ: khala земля, осадокъ; гадкій.

кам-кать, кам-сить волог. бить: ças̨am убивать.

кам-óжка вор. болотистое мѣсто, грязная лужа: kam вода.

кáм-очка яросл. хорошо одѣтая дѣвочка: kam любить.

кáм-ошница арх. родъ рукавицъ: ças̨ama рука.

канд-éйка ряз. тамб. небольшая деревянная чашка: kad-atra сосудъ.

кандир-истый твер. благовидный: čandra блестящій.

канъ тул. и др. индѣйскій пѣтухъ: kâṇa ворона.

кантовать симб. веселиться на пиру: čand, kaḍ веселиться, быть пьянымъ.

кан-ятина моск. лучшій сортъ говядины: čanas (въ Ведахъ) пища.

кап-ы́житься моск. ряз. копошиться; мѣшкать: kamp трястись, kap шататься на одномъ мѣстѣ.

карáбить тамб. боронить, волочить: kṛb двигаться; повреждать.

каравáшка твер. бѣлый хлѣбъ: karambha пирогъ.

карáнд-ышъ волог. симб. малорослый человѣкъ: kṛdhu (въ Ведахъ) короткій.

карбовать кур. дѣлать нарѣзы, наносить раны: kṛb повреждать, убивать.

ка́рда перм. ограда изъ жердей: kṛd-ara (въ Вед.) домъ.

кар-ино́ вят. очень много: kar-âla большой.

ка́рить ряз. упрекать: kṝ обижать.

ка́ровать костр. судить о чемъ либо, разсуждать: kṝ знать, kal думать.

ка́р-ушко костр. тряско: kal трясти.

ка́рша перм. сучковатый пень въ рѣкѣ, мѣшающій судоходству и ловлѣ рыбы неводомъ: kṛš царапать, повреждать.

карши́ть пск. перебиваться, жить: karšû средства къ жизни, пропитаніе.

карю́з-ликъ смол. маленькій уродъ: kârûša человѣкъ отверженнаго племени (the offspring of a degraded tribe).

каси́къ твер. головной платокъ: kaçi-pu всякаго рода одѣяніе.

кас-ла́ться тобол. перекочевывать съ одного мѣста на другое: kas двигаться.

кастный пск. гадкій, касть ряз. дрянь: kašṭa горе, бѣда; страждущій; тягостный.

кась арх. соръ, вмѣсто касть.

кастика влг. раскаянье (нѣтъ въ Слов. Акад.): kašṭi забота.

каталажить нжг. шумѣть, каталажный буйный, каталыжный костр. безнравственный.[1]

катáнка тул. верхнее женское платье: kaṭ покрывать.

кáтара арх. передняя лапа морскаго звѣря: kaṭa ляжка.

каткѝ смол. некованныя колеса; твер. телѣги: kaṭaka колесо.

катýхъ ряз. и др. хлѣвъ: kaṭaka жилище, домъ.

качáться смол. кататься, ѣздить; **качéя** арх. морская болѣзнь, твер. **кáчка** люлька: kak качаться, kaṭ двигаться.

качерѝкъ ирк. годовой теленокъ: kâsara быкъ.

кáч-ка волог. утка: ç̧anku гусь.

кáч-кать волог. говорить невразумительно: ç̧ač говорить.

каш-áлка арх. котомка, **каш-óлка** костр. корзинка: kôša всякаго рода вмѣстилище.

каш-анóкъ, каш-някъ пск. ласточка: kaš-ikâ птица.

кашерѝкъ вост.-сибир. двухгодовой теленокъ: kâsara быкъ.

[1] Эти слова объясняются приставкою къ корню частицы *ka*, *ko*, *ku*, весьма обыкновенной въ Скр. языкѣ и также довольно употребительной въ Литовскомъ и Славянскомъ; въ первомъ изъ нихъ она имѣетъ преимущественно унизительное значеніе. Такимъ образомъ *ká-darej* лохмотья со-

ставлено изъ *ka* и корня Скр. *dṛ*, *др-ать*, *kakalóti* изъ *ka* и *kal* шумѣть, *kankalas* колокольчикъ и *kan-klas* гусли можетъ быть, такого же происхожденія, или замѣняютъ форму *kal-kalas* и образовались изъ удвоенія корня *kal*, какъ Русск. *колоколъ* (срав. Скр. *kalakala* гулъ); *ка-бякнуть* сложено изъ *ka* и *бякнуть* (влад. тамб. то же самое)=*мякнуть* волог. ударить и Скр. *manč*, *munč* толочь; *ка-вардакъ* изъ *ka* и Скр. *vārda-ra* вода, *ка́-домить* изъ *ka* и *домъ*=Скр. (въ Ведахъ) *dama* тожъ, *каку́ра* изъ *ka* и Скр. *čur* жечь (жарить), *ка-талажить* и проч. изъ *ka* и *tarǧ* грозить, наносить вредъ. —[2] *karwe*, Слав. *крава*, также Польск. въ Август. губ. *карвь* старый волъ, объясняется изъ корня, сохранившагося въ Зендскомъ языкѣ, именно *çru* рогъ (ср. Лат. *cor-nu*): эти слова значатъ собственно *рогатый*, *рогатая*, какъ и Латинское *cervus*, *cerva* олень, лань *).—[3] Въ этихъ словахъ замѣчается явленіе весьма обыкновенное и въ Санскритскимъ языкѣ, отдѣльно взятомъ, именно замѣна *р* - гласной (*ṛ*) простою гласною.

Таково соотвѣтствіе отдѣльныхъ корней и словъ Литовскихъ и Славянскихъ съ Санскритскими. Нельзя сказать, чтобы я нарочно выбиралъ случаи, въ которыхъ сходство было бы особенно замѣтно: я бралъ подъ рядъ всѣ слова, начинающіяся съ буквъ *ka* и сближалъ ихъ съ Санскритскими. Почти всегда ока-

---

*) Сообщено С. П. Микуцкимъ.

зывалось искомое родство (хотя, разумѣется, я не могу имѣть притязанія на то, чтобы всѣ сравненія были одинаково вѣрны), и даже въ этомъ отношеніи Великорусскій Областной Словарь доставилъ богатѣйшую добычу, нежели словари Литовскій и Латышскій. Между словами послѣднихъ двухъ языковъ находится, какъ видно изъ сдѣланнаго мною списка, много необъясненныхъ, а между Русскими областными ихъ почти нѣтъ вовсе. Слова, въ этотъ списокъ не вошедшія, большею частію или иностранныя, преимущественно Татарскія, или производныя отъ другихъ извѣстныхъ словъ. Словъ, по видимому коренныхъ, Славянскихъ, не сближенныхъ съ Санскритскими, осталось весьма мало. Я привожу ихъ здѣсь, дабы обратить вниманіе ученыхъ на ихъ объясненіе:

Казе́й дон. лодыжка. Казу́лька кстр. ватрушка; Казю́лька см. родъ скамейки. Калдыба́ша кур. мѣсто, гдѣ моютъ бѣлье. Ка́лега арх. родъ невода. Ка́лива нвг., ка́лика пск., ка́ляга перм. брюква. Кали́довка пск. ватрушка. Калта̀къ арх. мелкая льдина. Кальга́ арх. сумма. Ка́мадить нжг. копить. Кана́дра арх. корень. Кандры́читься кур. упрямиться. Ка́пани нжг. валяные сапоги. Капо́къ тв. замѣтка, пск. шишъ. Капы́зиться см. упрямиться. Ка́рзина тв. ходъ въ подполье. Ка́рна тул. мѣшокъ у невода. Каря́вый кур. запачкан-

ный, ряз. рябой. Каря́га сиб. кривое бревно въ руслѣ рѣки. Каспо́рка см. подпорка. Касто́лъ пск. бѣлый сарафанъ. Ка́стра кур. сума. Ка́тца арх. рукоятка у молотила и нѣк. др.

Разсмотрѣнныя нами явленія показали, что Индо-Европейское поколѣніе дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ западная отличается развитіемъ, въ каждомъ ея членѣ, особыхъ постоянныхъ звуковыхъ измѣненій, чуждыхъ языку Санскритскому, а восточная—тождествомъ звуковыхъ законовъ и бо́льшимъ сходствомъ звуковъ въ корняхъ и словахъ. Но теперь рождается вопросъ: въ чемъ состоитъ особенность каждаго изъ трехъ восточныхъ языковъ, образующихъ въ Индо-Европейскомъ племени отдѣльную семью? Нельзя же, чтобы они отличались другъ отъ друга только какими нибудь случайными измѣненіями звуковъ или употребленіемъ того, либо другаго слова. А то пришлось бы предположить, что языки Санскритскій, Литовскій и Славянскій, собственно говоря, не отдѣльные языки, а не болѣе, какъ нарѣчія одного языка, что, конечно, никакъ не можетъ быть допущено.

Существенныя, органическія особенности языковъ Санскритскаго, Литовскаго и Славянскаго заключаются въ ихъ грамматическомъ построеніи: оно опредѣ-

ляетъ, если можно такъ выразиться, ихъ личность и даетъ имъ значенiе языковъ самостоятельныхъ. Есть, впрочемъ, и со стороны звуковъ свойства, хотя маловажныя, которыя характеризуютъ ихъ и на которыя слѣдуетъ взглянуть мимоходомъ, прежде чѣмъ отъ изученiя звуковъ перейдемъ къ Грамматикѣ.

Звуковыя особенности, отличающiя Санскритскiй языкъ отъ Литовскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ отличаютъ его и ото всѣхъ прочихъ, родственныхъ ему Европейскихъ отраслей.

Между ними всего болѣе замѣтны:

1) Такъ называемыя, *язычныя согласныя*, т. е., *d*, *t* и *n*, произносимыя особеннымъ, только для Индѣйца возможнымъ, способомъ. Совершенное отсутствiе ихъ во всѣхъ прочихъ языкахъ Индо-Европейскихъ и значительное распространенiе въ новыхъ нарѣчiяхъ Индiи заставляютъ предполагать, что они образовались изъ простыхъ согласныхъ *d*, *t* и *n* въ то время, когда Санскритскiй языкъ обособился и сталъ подвергаться разрушительному влiянiю многочисленныхъ племенъ Индiйскихъ, которыя не принадлежали къ Индо-Европейскому поколѣнiю.

Кромѣ того, Санскритскiй языкъ отличается отъ Литовскаго и Славянскаго 2) способностью произ-

носить всѣ, такъ наз., *нѣмыя согласныя* (т. е., *k*, *g*, *č*, *ġ*, *ṭ*, *ḍ*, *t*, *d*, *p*, *b*) *съ придыханіемъ*. Ее раздѣляетъ съ нимъ, хотя въ нѣсколько меньшей степени, Персидскій языкъ, тогда какъ всѣ Европейскіе языки менѣе склонны къ придыханіямъ, и нѣкоторые изъ нихъ даже вовсе отвергаютъ ихъ: Греческій и Готскій имѣютъ всего три придыхательныя согласныя (χ, ϑ, φ; *h*, *th*, *f*), Латинскій—двѣ (*ch*, *f*), Славянскій—одну (*x* *), Литовскій не имѣетъ ихъ вовсе **). Когда прислушаешься къ рѣчи Армянина, или Татарина, невольно придетъ на мысль, что придыхательные звуки господствовали у Азіятскихъ и исчезали у Европейскихъ вѣтвей Индо-Европейскаго племени болѣе всего въ слѣдствіе климатическихъ вліяній.

Важнѣйшая особенность звуковъ Литовскаго языка сравнительно съ Славянскими та, что въ немъ система гласныхъ древнѣе и ближе къ Санскритской. Это оказывается, между прочимъ, въ соблюденіи различія

---

*) Извѣстно, что *ф* не существуетъ въ коренныхъ Славянскихъ словахъ и попадается только въ иностранныхъ, или звукоподражательныхъ (какъ-то Русск. фыркать, Болг. фръкамъ лечу, фрълямъ бросаю).

**) Кельтскія придыхательныя согл. по природѣ своей совершенно различны отъ Санскритскихъ, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ.

краткихъ и долгихъ гласныхъ, которое въ старину господствовало у всѣхъ Индо-Европейскихъ народовъ, но вездѣ, со временемъ, сглаживалось и уступало мѣсто ударенію. Литовскій языкъ выдерживаетъ это различіе довольно постоянно, хотя несравненно менѣе строго и послѣдовательно, чѣмъ Санскритскій, который въ этомъ отношеніи занимаетъ въ семьѣ первое мѣсто. Славяне же, въ большей части своихъ нарѣчій, утратили способность отличать долгія гласныя отъ краткихъ (только Чехи, Словаки и также Сербы сохранили ее отчасти). Кромѣ того, Литовскій языкъ удержалъ вѣрнѣе Славянскаго другое исконное свойство всѣхъ Индо-Европейскихъ языковъ, усиленіе гласныхъ, — свойство, которое также исчезало въ нихъ съ теченіемъ времени. Оно состоитъ въ томъ, что, при образованіи извѣстныхъ грамматическихъ формъ и производствѣ словъ, приставляется въ корняхъ передъ гласными *a*, *ṛ*, въ особенности же передъ *i* и *u* (*y*), краткое, или долгое *a*, какъ бы для того, чтобы, обремененіемъ корня, возстановить въ немъ равновѣсіе съ прибавляемымъ къ нему окончаніемъ. Въ Санскритскомъ языкѣ усиленіе гласныхъ проведено чрезвычайно обширно и послѣдовательно. Слѣды его, болѣе или менѣе полные, существуютъ во всѣхъ родственныхъ языкахъ, но особенно живо помнитъ его языкъ Литов-

скій и даетъ ему почти такое же значеніе, какъ Санскритскій; напротивъ Славянскій сохранилъ его слабо.

Нѣсколько примѣровъ, можетъ быть, не покажутся лишними. Замѣчу сперва, что при усиленіи въ Санскритскомъ языкѣ являются 2 степени: не говоря объ основѣ, на которой находится простая коренная гласная, на первой степени прибавляется краткое *a*, которое съ *i* сливается въ *ê*, съ *u* въ *ô* (подобно произношенію ново-Греческаго *αι*, Французскаго *ai*, *au*), на 3-й изъ этихъ гласныхъ прибавкою долгаго *a* образуется *âi*, *âu*:

Санскр.	Литов.	Слав.
1-я ст. ҫvit быть бѣлымъ.	pra-świntu проясниваю.	(Церк.) свитати разсвѣтать.
2-я ҫvêtas бѣлый, ҫvêtajâmi бѣлю.	świêciu сіяю.	свѣтъ, свѣтить.
3. ҫvâitjam бѣлизна.	swaitiuu дѣлаю свѣтлымъ.	. . . .
1. bhî бояться. bhî-ru боязливый.	bi-jau боюсь.	

bhî-ruka ужасный, медвѣдь.		би-рюкъ (Русск. симб. медвѣдь, ряз. волкъ).
bhîšana ужасный, bhîsma бѣсъ.		
2. bi-bhêmi боюсь*),		
bhê-šámi боюсь.		бѣсъ.
3. bhâj-ajâmi страшу.	bai-dau страшу, bai-su боюсь.	бояться, т. е. бој-аться, собств. значитъ: страшить себя.
1. uč приноровляться.	junk-ti привыкать*).	уч-ить, на-ука.
2. oč-ajâmi приноровляться.	wok-ti понимать**).	(при) вык-нуть**).
3.		. . . .
1. plu плыть.	plu-diti плыть.	(Церк.) плути, плыть.

*) Слогъ bi есть правильное удвоеніе (reduplicatio).

**) Приставка *j* и *v* (*в*) въ началѣ слова передъ гласною, есть явленіе совершенно обыкновенное и правильное.

2. plav-âmi плыву.		плов-я плыву, плыть.
3. plâv-ajâmi обливаю.	plau-ti полоскать, plauk-ti плыть.	плав-ить, плавать.

Впрочемъ я нарочно пріискалъ такіе примѣры, которые бы представляли усиленіе гласныхъ въ трехъ языкахъ какъ можно полнѣе. Потому напоминаю, что такихъ случаевъ у Славянъ весьма мало, тогда какъ въ языкахъ Санскритскомъ и Литовскомъ они изобилуютъ.

Наконецъ, Славянскій языкъ отличается отъ ближайшихъ родственныхъ языковъ звуками *ы*, *ѣ* и *ь*. Но они не составляютъ болѣе важной особенности, чѣмъ всѣ тѣ, о которыхъ мы сейчасъ говорили: *ы* замѣчательно только по своему произношенію, но въ этимологіи тождественно съ Санскритскими двоегласными *ô* и *âu*; даже самый звукъ *ы* не исключительно Славянскій: нѣтъ, мнѣ кажется, никакого сомнѣнія, что онъ существовалъ также у Римлянъ, имѣвшихъ, по неоспоримымъ свидѣтельствамъ древнихъ писателей, средній звукъ между *i* и *u*, который выражался и тою гласною, и другою (писали равно maximus и maxumus), и для котораго Императоръ Клавдій изобрѣлъ было осо-

бое начертаніе. — *ъ* и *ь* замѣняютъ Санскритскія и Литовскія гласныя *а*, *і*, *и*, которыхъ они суть сокращеніе. На концѣ словъ употребленіе ихъ составляетъ характеристическую принадлежность языка Славянскаго, органическій законъ его грамматики, но внутри самыхъ корней и словъ они не имѣютъ такого значенія. Употребленіе ихъ ограничено самымъ малымъ числомъ словъ, и притомъ свойственно только нарѣчіямъ Церковно-Славянскому и Болгарскому; правда, при согласной *р* (и *л*, ее правильно замѣняющей) они распространены обширно, но въ этомъ именно случаѣ съ совершенною точностію соотвѣтствуютъ краткому, скрадываемому гласному звуку , который присутствуетъ въ Санскритской *р* - гласной (*ṛ*). Явленіе это нами уже изслѣдовано , и оно показало намъ въ особенно яркомъ свѣтѣ тождество Славянскихъ звуковъ съ Санскритскими.

Все предшествующее изложеніе даетъ намъ, кажется, право заключить, что въ *звукахъ* состоитъ *семейное сходство* языковъ Санскритскаго, Литовскаго и Славянскаго. *Личность* ихъ выразилась въ *грамматическомъ* ихъ *построеніи*, особенно же въ самой живой и подвижной части рѣчи, въ глаголѣ.

Но сначала слѣдуетъ еще взглянуть *на склоненіе* существительнаго имени.

Сравнительная грамматика не можетъ представить ничего болѣе поразительно сходнаго, какъ это склоненіе въ языкахъ Санскритскомъ и Литовскомъ. Я думаю, что Литовское склоненіе есть самый полный и цѣльный остатокъ, какой сохранился въ Европѣ отъ временъ первоначальныхъ. Сравнимъ:

Единственное число:

		Богъ.	сукъ.	смерть.	сынъ.
Имен.	Скр.	dêv-as	ç̧âkh-â	mṛt-is	sûn-us
	Лит.	dĕw-as	šâk-à	smert-is	sun-us
Род.	Скр.	(dêv-asja*)	ç̧âkh-âjâs	mṛt-ês	sûn-ôs
	Лит. dĕw-ọ,	dĕw-a	šâk-ôs	smert-iês	sun-aus
Дат.	Скр.	dêv-âja	ç̧âkh-âjê	mṛt-ajê	sûn-avê
	Лит.	dĕw-ui	šâk-ai	smerč-ei²	sun-ui
Вин.	Скр.	dêv-am	ç̧âkh-âm	mṛt-im	sûn-um
	Лит.	dĕw-ą	šâk-ą	smert-į	sun-ų

Литовскимъ формамъ ближе соотвѣтствуютъ обыкновенныя Санскритскія съ носовымъ звукомъ: *dêvan*, *ç̧âkhân*, *mṛtin*, *sûnun*. Но Лит. яз. сохранилъ полнѣйшее окончаніе винит. во многихъ словахъ, получившихъ значеніе нарѣчій,

---

*) Санскритскія формы, заключенныя въ скобки, образованы по другимъ законамъ, нежели Литовскія, и не идутъ съ ними въ сравненіе.

напр. *oran* или *laukan* вонъ, отъ *oras*, *laukas* открытое мѣсто, поле, *šalín* на сторону, отъ *šalis* сторона, *kiton šalín*, въ другое мѣсто, отъ *kità šalis*, *namûn* домой отъ *namas* домъ, *lenktín bégti* бѣжать въ запуски, отъ *lenktis*, *dangun* въ небо, отъ *dangus* и т. д.

Зват.	Скр.	dêv-a.	(çâkh-ê.)	mṛt-ê.	sûn-ô.
	Лит.	dêw-e.	šâk-à.	smert-ĕ.	sun-au.
Тв. 1.	Скр.	dêv-êna.	çâkh-âjâ.[1]	mṛt-jâ.	(sûn-unâ)
	Лит.	ward-ana именемъ, отъ ward-as; обыкновенно: dêw-ù.[1]	šâk-à.	šmerc-jù.	sun-umi.
Тв. 2.	Скр.	dĕvât.			
	Лит.	Въ нѣкот. словахъ: wĕn-at одиноко, отъ wên-as одинъ, an-ôt онымъ образомъ, отъ anas оный.			
Мѣст.	Скр.	dev-ê.	(çâkh-âjâm).	(mṛt-âu).	(sûn-âu).
	Лит.	dêw-'ê	šâk-ajè.	smert-ijè.	sun-ujè.

Двойственное число.

Им. Вин.	Скр.	dêv-âu.	çâkh-ê.	mṛt-î.	sûn-û.
	Лит.	dĕw-ù.	šâk-i.	smert-i.	sun-ù.
Дат.	Скр.	dêv-âbhjâm.	çâkh-âbhjâm.	mṛt-ibjâm.	sûn-ubhjâm.
	Лит.	dĕw-am.[3]	šâk-ôm.[3]	smert-im.[3]	sun-um.[3]

Множественное число.

Им. Зв. Скр. (dêv-âs). çâkh-âs. mṛt-ajas. sûn-avas.
Лит. dĕw-ai šâk-ôs. smert-îs. sun-ûs.

Род.
Скр. dêw-ânâm.[1] çâkh-ânâm.[1] mṛt-înâm.[1] sûn-ûnâm.[1]
Лит. dĕw-ûn.[4] šâk-ûn.[4] smerč-jûn.[4] sun-ûn.[4]

Дат.
Скр. dêv-êbhjas. çâkh-âbhjas. mṛt-ibhjas. sûn-ubhjas.
Лит. dĕw-ams.[3] šâk-áms.[3] smert-ims.[3] sun-ums.[3]

Вин.
Скр. dêv-ân.[5] çâkh-âs. mṛt-îs. (sûn-ûn).
Лит. dĕw-ùs. šâk-às. smert-is. sun-ùs.

Твор.
Скр. dêv-âis. çâkh-âbhis. mṛt-ibhis. sûn-ubhis.
Лит. dĕw-ais šâk-omis.[3] smert-imis.[3] sun-umis.[3]

Мѣст.
Скр. dêv-êšu. çâkh-âsu. mṛt-išu. sûn-ušu.
Лит. dĕw-ůse šâk-osà. smert-isa. sun-ůse.

[1] Въ этихъ формахъ Санскр. яз. отдѣлилъ окончаніе, собственно принадлежащее слову, или его тему, какъ говорятъ ученые, отъ окончанія, образующаго форму падежа, вставочнымъ *n* или *j*, тогда какъ Литовскій просто слилъ ихъ: такъ объясняется различіе Скр. формъ *çâkhâ-j-âs*, *dëvâ-n-âm* отъ Литовскихъ *šakòs*, *dĕwûn* и т. п. —[2] *Smerčei*

вмѣсто *smertjei.* — [3]Литовскій языкъ, подобно Славянскому и нѣкоторымъ другимъ, превратилъ согласную *bh* этихъ окончаній въ *m*. Вообще можно замѣтить въ языкахъ Индо-Европейскихъ цѣлую систему окончаній падежей, въ которыхъ *bh* (иначе *m*) составляетъ, такъ сказать, зерно. Санскритскій языкъ означаетъ ими дательный и творительный падежи двойственнаго и множественнаго; Литовскій и Славянскій еще творительный единственнаго: *sunu-mi*, *сынъ-мь* (въ древнихъ памятникахъ такъ пишется); недостаетъ, для полноты, только дательнаго единственнаго числа *): не сохранился ли онъ въ многочисленныхъ Литовскихъ нарѣчіяхъ, означающихъ движеніе куда-нибудь и оканчивающихся на *p* (на пр. *Dêwop* къ Богу, *dangop* въ небо, *namopi* или *namop* домой и др)? Движеніе куда нибудь въ старину означалось двумя падежами, винительнымъ и дательнымъ (послѣднимъ постоянно, на пр. въ древнемъ Русскомъ языкѣ: *поиде Кыеву*, *поѣха Новугороду*). Приведенныя Литовскія слова по формѣ своей не могли принадлежать къ винительному падежу: остается дательный.— [4]Формы *dêwûn* и т. п. Жмудскія (окончаніе *ûn*-Санскр. *âm*); въ обыкновенномъ Литовскомъ языкѣ говорятъ *dêwû* и т. д. — [5]Боппъ справедливо объясняетъ Скр. оконч. вин. мн. *ân* сокращеніемъ изъ *ans*, которое дѣйствительно употреблялось въ Готскомъ яз.; Литов. форма *us* была бы измѣненіемъ сей послѣдней.

---

*) Онъ находится въ 2 Санскритскихъ мѣстоименіяхъ: mahjam вмѣсто ma-bhjam мнѣ и tu-bhjam тебѣ.

Грамматическія формы языка Славянскаго отличаются отъ Санскритскихъ и Литовскихъ одною, постоянно соблюдаемою и весьма важною, особенностью, имѣющею въ немъ, безъ сомнѣнія, значеніе органическаго закона. Именно, онъ отбросилъ, всѣ безъ исключенія согласныя, приходившіяся на концѣ словъ, а гласныя окончанія превратилъ, въ извѣстныхъ постоянныхъ случаяхъ, въ звуки *ъ* и *ь*. Это свойство сдѣлало въ немъ склоненія непохожими на Санскритскія и Литовскія, какъ всякій замѣтитъ, сравнивъ измѣненія Славянскаго имени съ помѣщенною выше таблицею. Другая большая разница въ склоненіи Санскритскомъ и Славянскомъ произошла отъ употребленія, въ этихъ языкахъ, различныхъ благозвучныхъ вставокъ, которыми отдѣляется собственное склоняемое слово (или такъ наз. тема) отъ окончаній падежей. Кромѣ вставки смягчающаго *j*, общей обоимъ, Санскритскій языкъ избралъ для этого звукъ *н*, а Славянскій *в*, и такимъ образомъ произошли формы совершенно несходныя. Для примѣра возьмемъ родит. пад. множ. числа. Его окончаніе въ Санскритскомъ языкѣ *âm*; оно у Славянъ, по правилу, утратило звукъ *m* и перешло въ долгое *а*, которое до сихъ поръ удержали Сербы, прочія же Славянскія вѣтви сократили въ *ъ*. Но когда тема оканчивается на гласную, то Санскритскій языкъ обыкновенно присо-

вокупляетъ это *âm* посредствомъ вставки *n* (непосредственно оно сливается съ темою только изрѣдка въ Ведахъ), Славяне же свое *â*, *ъ* или также сливаютъ съ темою, или раздѣляютъ отъ нея вспомогательнымъ *в*, и такимъ образомъ происходятъ различныя формы:

Скр. (въ Вед.)	dam-âm;	(обык.) damâ-n-âm.
Серб.	дом-â;	домо-в-â.
Церк. Слав.	дом-ъ;	домо-в-ъ.

Также точно вставляется это благозвучное *в* между основною темою, кончащеюся на *ъ* (=Скр. a) и знаками падежей во многихъ другихъ случаяхъ; въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ эта вставка такъ распространилась, что проникла почти во всѣ формы мужескаго склоненія. Са̄мые употребительные случаи ея и другія особенности Славянскаго склоненія, какъ-то частую замѣну долгаго *a* (*â*) звукомъ *ы*, покажутъ слѣдующіе примѣры древнихъ формъ Церковно-Славянскаго имени, сближенныхъ съ Санскритскими:

Ед. ч. Им. и В.	Скр.	nabhas	
	Слав.	неб о.	*s* отброшено.
Род.	Скр.	nabhas-as	
	Слав.	неб ес-е.	то же.

Дат. Скр. nabhas-ê
Слав. небес -и.

Тв. Скр. (nabhas-â)
Слав. небесь-мь.

Мѣст. Скр. nabhas-i
Слав. неб ес-и.

Дв. И. В. Скр. nabhas-î
Слав. неб ес-и.

Р. М. Скр. nabhas-ôs
Слав. небес -у. то же.

Д. Т. Скр. nabhô-bhjâm [1]
Слав. небесь-ма.[2] *т*(*м*) отбр. : *б* въ *м*.

Мн. И. В. Скр. (nabhâns-i)
Слав. н е б е с-а.

Р. Скр. nabhas-âm
Слав. небес-ъ. *т* отбр. *â* сокр. въ *ъ* (Серб. *небесâ*).

Д. Скр. nabhô-bhjas [1]
Слав. небесь - мъ. *s* отб. *a* сок. въ *ъ*, *б* въ *м*.

Тв. Скр. nabhô-bhis [1]
Слав. небесь-ми. тоже. тоже.

Мѣст. Скр. nabhas-su
Слав. небе се - хъ. [1] *и* сокр. въ *ъ*; *s* въ *х*.

Ед. И. Скр. bhaga – s (Вед.)
Слав. Б о г ъ. *s* отбр., *a* сокр. въ *ъ*.

Р. Скр. (bhagasja)
Слав. Бога.

Д. Скр. (bhagâja). (Мѣст.) bhagê=bhaga-i.
Слав. Богу. [3] Д. Бого-в-и.

В. Скр. bhaga-m
Слав. Б о г ъ. *m* отброшено.

Зв. Скр. bhaga
Слав. Боже.

Тв. Скр. (bhagêna)
Слав. Богъ–мь.

Мѣст. Скр. bhagê
Слав. Бозѣ.

Дв. И. В. Скр. (Ved.) bhagấ. (обыкн.) bhagâu.
Слав. Бога. (др. Чеш.) Богы.

Р. М. Скр. bhaga-jôs
Слав. Бог-у. *s* отброшено.

Д. Т. Скр. bhagâ-bhjâm
Слав. Бого-ма. [2] *m* отбр.; *b* въ *м*.

Мн. И. З. Скр. . . . . . bhagâs=bhaga-as
Слав. бози.[4] Бого-в-е. *s* отбр.
Р. Скр. (Ved.) bhag-âm. bhagâ-n-âm
Слав. (Серб.) Бог-а. *m* отброш.; Бого-в-ъ.
(Церк.) Бог-ъ. *а* сокр. въ *ъ*.
Д. Скр. bhagê-bhjas
Слав. Бого-мъ. *s* отб.; сок. въ *ъ*; *б* въ *м*.
В. Скр. bhagân manugân
Слав. Богы. *n* отбр.; *а* въ *ы*. *м* ѫ *ж* ѧ.
Тв. Скр. bhagâis (Вед.) bhagê-bhis
Слав. Бог-ы. *s* отб.; *ai* въ *ы*. Богъ-ми
М. Скр. bhagêšu
Слав. Бозѣхъ. *а* сокр. въ *ъ*; *s* въ *x*.

Ед. И. Скр. ǧâspati-s *)
Слав. господь. *s* отбр.
Р. Скр. ǧâspatî-s
Слав. господи. *s* отбр.
Д. Скр. (ǧâspatiyê). М. ǧâspatâu
Слав. господи Д. господу
В. Скр. ǧâspatim
Слав. господь. *m* отбр.
З. Скр. ǧâspatê
Слав. господи

---

*) Benfey. die Hymnen des Sâma-Vêda.

Тв. Скр. (ğâspatinâ)
Слав. господьмь
М. Скр. (ğâspatâu)
Слав. господи

Дв. И. В. Скр. ğâspatî
Слав. господи
Р. М. Скр, ğâspatj-ôs
Слав. господи-ю. *s* отбр.
Д. Т. Скр. ğâspati-bhjâm
Слав. господь-ма. *m* отбр. *б* въ *м.*

Мн. И. Скр. ğâspataj-as
Слав. господи-ѥ *s* отбр.
Р. Скр. ğâspatî-n-âm (Вед.) ğâspat-âm
Слав. господій господ-ъ
m отбр.; *ä* сокр. въ *ъ* (послѣ *i* въ *й*).
Д. Скр. ğâspati-bhjas
Слав. господь-мъ. *s* отбр.; *a* въ *ъ*; *б* въ *м.*
В. Скр. ğâspatî-n
Слав. господи *n* отбр.
Тв. Скр. ğâspatî-bhis
Слав. господь-ми. *s* отбр.; *б* въ *м.*
М. Скр. ğâspati-šu
Слав. господь-хъ. *u* сокр. въ *ъ*; *s* въ *х.*

Ед. И. Скр. vidhavâ
Слав. вдова

Р. Скр. vidhavâ–jâs
Слав. вѣдов - ы *s* отбр.; *â* въ *ы*.
Д. Скр. (vidhavâjâi)
Слав. вѣдовѣ
В. Скр. vidhavâm
Слав. вѣдовѫ
Зв. Скр. vidhava (Вед.)
Слав. вѣдово
Тв. Скр. (vidhavajâ)
Слав. вѣдовоѭ, Серб. удово-мъ
М. Скр. (vidhavâjâm)
Слав. вѣдовѣ
Дв И. В. Скр. vidhavê
Слав. вѣдов-ѣ
Р. М. Скр. vidhavaj–ôs
Слав. вѣдов - у *s* отбр.
Д. Т. Скр. vidhavâ–bhjâm
Слав. вѣдова - ма *m* отбр.; *б* въ *м*.
Мн. И. Скр. vidhavâ–s
Слав. вѣдовы *s* отбр. *â* въ *ы*.
Р. Скр. vidhavâ–n–âm
Слав. вѣдов - ъ *m* отбр.; *â* въ *ъ*.
Д. Скр. vidhavâ–bhjas
Слав. вѣдова-мъ *s* отбр.; *б* въ *м*.
В. Скр. vidhavâ–s
Слав. вѣдовы *s* отбр.; *а* въ *ы*.

Тв. Скр. vidhavâ-bhis

Слав. вѣдова-ми *s* отбр.; *б* въ *м*.

М. Скр. vidhavâ-su

Слав. вѣдова-хъ *и* сокр. въ *ъ*: *s* въ *х*.

Примѣч. [1]Для благозвучія, Скр. яз. превратилъ слогъ *as* въ *ó*, по особенному закону, а Слав. между *ес* и окончаніями *ма*, *мъ*, *ми*, *хъ* вставилъ вспомогательные звуки *ь* или *е*. — [2]Мягкій звукъ послѣ *м*=Скр. *bh* сохраняетъ Русск. яз. въ словахъ *дву-мя*, *тре-мя* и т. д. [3]Оба Славянскихъ окончанія дат. пад., *и* и *у*, перенесены отъ мѣстн. пад.; второе, *у*, соотвѣтствуетъ Скр—ому окончанію мѣстнаго пад., *áu*, употребляемому въ темахъ на *i* и на *u*: *господу*—*gáspatáu*, *сыну*—*sûnáu*. — [4]Оконч. имен. множ., Лит. *ai*, Слав. *и*, Лат. *i*, Греч. *οί* и т. д. перенесены въ имя существ. отъ Скр. мѣстоименнаго склоненія, гдѣ оно имѣетъ форму *é*: *котори*—*kataré*. — [5]Въ носовомъ звукѣ *вѣдовоѭ*, Польск. *вдовѫ*, вѣроятно, заключается сокращеніе древняго окончанія *мь*: въ этомъ отношеніи Сербская форма *удовомъ*, кажется, первоначальная.

Мы не будемъ, однако, долго останавливаться на склоненіи. Достаточно было узнать, какъ оно сходно въ языкахъ Санскритскомъ и Литовскомъ, и чѣмъ отличается въ Славянскомъ. Перейдемъ скорѣе къ *глаголу*: это самая любопытная и разнообразная часть языка.

Мы нашли, что у Славянъ измѣненія именъ существительныхъ разнятся отъ Санскритскихъ и Литовскихъ только внѣшними особенностями: потерею или ослабленіемъ извѣстныхъ звуковъ, употребленіемъ вставки *в* вмѣсто вставки *н*. Въ глаголѣ мы найдемъ

различіе несравненно болѣе знаменательное и глубокое, внутреннее различіе.

Дѣйствительно, такъ какъ глаголъ есть по преимуществу живая, духовная часть человѣческаго слова, то онъ наиболѣе способенъ, въ разнообразіи формъ своихъ, выразить личность каждаго народа и его самобытное воззрѣніе.

Потому главныя особенности глаголовъ въ различныхъ языкахъ проистекаютъ не отъ внѣшнихъ звуковыхъ законовъ, а отъ того, съ какой точки народъ смотритъ на дѣйствіе и по какимъ категоріямъ (если можно здѣсь употребить это философское слово въ смыслѣ общихъ принадлежностей дѣйствія), онъ его опредѣляетъ.

Всего проще опредѣляется дѣйствіе *временемъ*, и всѣ Индо-Европейскіе народы выражаютъ его въ глаголѣ.

За временемъ слѣдуетъ опредѣленіе *отношеній* дѣйствія къ лицу, которое его производитъ, либо ему подвергается, или къ другому дѣйствію. Выраженіе отношеній въ глаголѣ также свойственно всѣмъ народамъ, хотя въ размѣрахъ чрезвычайно неравныхъ.

Наконецъ, дѣйствіе можетъ быть опредѣлено по *количеству* и по *качеству*, но на эти стороны обращено вниманіе у немногихъ только народовъ.

Языки Санскритскій, Зендскій, Греческій, Латинскій, Германскій и Кельтскій, отличаются весьма подробнымъ опредѣленіемъ *времени* и *отношеній* дѣйствія. Разница между ними та, что первые три, т. е., Санскритскій, Зендскій и Греческій, употребляютъ для этого древнѣйшіе способы, нѣкогда составлявшіе общую принадлежность всего Индо-Европейскаго племени (ибо остатки ихъ, болѣе или менѣе полные, сохранились у всѣхъ его отраслей), тогда какъ три послѣдніе, утративши многое изъ наслѣдственнаго достоянія, восполнили потери каждый своими домашними средствами и дали спряженію новыя формы.

Греческій глаголъ славится разнообразіемъ своихъ измѣненій; но онъ далеко уступаетъ Санскритскому, съ которымъ, впрочемъ, имѣетъ необыкновенное сходство. Что еще болѣе должно возбудить удивленіе къ богатству языка первобытнаго, Санскритскіе глаголы, которыхъ сложность для насъ теперь непонятна, не сохранили еще всѣхъ формъ, нѣкогда существовавшихъ: въ Ведахъ мы находимъ множество такихъ измѣненій, которыхъ нѣтъ уже въ классическомъ, Санскритскомъ языкѣ, но которыхъ обломки, оставшіеся у Персовъ и Грековъ, свидѣтельствуютъ объ ихъ доисторической древности. Видно, что чрезмѣрное разнообразіе формъ было тягостно, и что старались, когда

миновала въ языкѣ эпоха творчества и настало время памяти, избавиться отъ тѣхъ, которыя не были необходимы. Такъ глаголъ въ классическомъ языкѣ Браминовъ гораздо беднѣе, нежели въ Ведахъ, а Пракритское спряженіе несравненно скуднѣе обыкновеннаго Санскритскаго: то же самое повторилось, болѣе или менѣе, у всѣхъ народовъ.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о Санскритскомъ спряженіи, которое, правда, уже потеряло иныя формы, но сохранило, однако же, въ наибольшей полнотѣ старинныя богатства Индо-Европейской рѣчи, я исчислю его главныя измѣненія:

I. Формы для опредѣленія *времени*:

1) *Настоящее* время, образуется прибавленіемъ къ корню окончаній лицъ, съ помощію, или безъ помощи, вставочнаго слога, либо удвоенія: as-mi есмь, vah-â-mi везу, lî-nâ-mi льну, bi-bhê-mi боюсь.

2) *Прошедшее*, которое принято называть *несовершеннымъ* (*imperfectum**), образуется приставкою

*) Названія прошедшихъ временъ, а равно наклоненій, примѣненныя къ Санскр. грамматикѣ, не выражаютъ ихъ смысла: до сихъ поръ ученымъ не удалось опредѣлить въ точности различія ихъ по значенію. Видно, оттѣнки между этими многочисленными формами такъ нѣжны, что теперешній Европеецъ, привыкшій къ скуднымъ формамъ Нѣмецкимъ, Французскимъ, или Англійскимъ, не можетъ ихъ уловить.

приращенія (augmentum), въ Санскритскомъ языкѣ *a*, въ Греческомъ ἐ, на пр. a-tarpam я радовалъ, Греч. ἔ-τερπον.

3) *Прошедшее совершенное (perfectum)*, съ *удвоеніемъ (reduplicatio)*: tu-tôpa я билъ, Греч. τέ-τυφα.

4) *Прошедшее неопредѣленное* или историческое, называемое также *аористомъ*, образуется въ Санскритскомъ языкѣ семью различными способами, обыкновенно *приращеніемъ*, съ прибавкою къ глаголу вспомогательнаго корня as (ес-мь), который съ нимъ сливается, на пр. adik-šam я показалъ, Греч. ἔδειξα. Очень часто этой прибавки не бываетъ, и тогда глаголъ получаетъ двойное приращеніе: adu-druvam я бѣжалъ, отъ dru, ačû-čuram я воровалъ, отъ čur, какъ Греч. ἐπέ-φραδον, отъ φράζω.

5) *Будущее простое*, образуемое помощію того же вспомогательнаго корня as, на пр. dâ-sjâmi, Греч. δώ-σω я дамъ.

6) *Будущее сложное* съ причастіемъ, общее Санскритскому языку съ Латинскимъ: dâtâsmi вм. dâtṛ asmi, Лат. daturus sum я дамъ.

II. Формы для опредѣленія *отношеній*:

Наклоненія:

1) *Изъявительное.*

2) *Повелительное:* tarpa радуй, Греч. τέρπε.

3) *Сослагательное*(conjunctivus), употребляемое правильно въ Греческомъ языкѣ, въ Санскритскомъ свойственное только Ведамъ (форма извѣстная подъ названіемъ *lêt*).

4—6) *Условное*, имѣющее въ Санскритскомъ языкѣ три формы, изъ коихъ первая (такъ наз., *modus potentialis*) соотвѣтствуетъ Греческому *желательному* (*optativus*), на пр. tarpêjam τέρποιμι, первоначально τερποίην, а другія двѣ, *precativus* (tarpjâsam) и *conditionalis* (atarpišjam), ему одному свойственны.

Залоги:

1) *Дѣйствительный.*

2) *Средній* (*medium* Греческихъ грамматикъ). Первый показываетъ, что дѣйствіе болѣе обращено на внѣшній предметъ, второй на самое дѣйствующее лицо, почему онъ часто получаетъ значеніе возвратное. Не всѣ глаголы имѣютъ оба эти залога, и замѣчательно, съ какою точностію Санскритскій языкъ ихъ распредѣляетъ, смотря потому, выражается ли дѣйствіе, пе-

реходящее наружу, или обращенное внутрь: на пр. çapâmi, çapasi, çapati проклинаю, проклинаешь, проклинаетъ, çapê (вм. çapamê) клянусь, çapasê, çapatê.

3) *Страдательный:* çapjê я проклинаемъ.

4) *Причинный:* çâpajâmi заставляю клясться.

5) *Желательный:* çaçapišâmi желаю клясться.

Надобно замѣтить, что всѣ эти залоги имѣютъ всѣ времена и наклоненія, приведенныя мною для одного дѣйствительнаго.

Таково разнообразіе формъ Санскритскаго глагола, служащихъ для выраженія времени и отношеній дѣйствія. Глаголъ Зендскій и Греческій нѣсколько бѣднѣе, (послѣдній сохранилъ только три первыхъ залога), но все таки представляютъ большое число измѣненій. Римляне, Германцы и Кельты также въ этомъ отношеніи весьма богаты, хотя, какъ сказано, у нихъ многія изъ формъ глагола образованы въ позднѣйшее время.

Другія совершенно свойства развились въ глаголѣ Литовскомъ и Славянскомъ. Какъ во всѣхъ родственныхъ языкахъ формы, опредѣляющія время и отношенія дѣйствія, обильны и разнообразны, такъ у Литвы и Славянъ онѣ скудны и просты.

Литовскій языкъ имѣетъ только четыре простыхъ формы для выраженія времени: 1) настоящее время, 2) про-

шедшее, соотвѣтствующее Санскритскому *imperfectum*, 3) несовершенное (форма позднѣйшаго образованія), 4) будущее: на пр. ei - mi иду, Скр. êmi, êjau я шелъ, Скр. âjam, eidawau я хаживалъ (ich pflegte zu gehen), eisu я пойду, Скр. êšjâmi; wemju, wemjau, wemdawau, wemsu, Скр. vamâmi avamam, vansâmi (vomere). Изъ наклоненій употребляются въ немъ только изъявительное, повелительное и сослагательное (послѣднее тоже новѣйшаго происхожденія); изъ залоговъ только причинный имѣетъ особенную форму.

Славяне еще болѣе упростили спряженіе. Причиннаго залога у нихъ нѣтъ (кромѣ немногихъ развѣ остатковъ старины), равно и сослагательнаго наклоненія. Изъ временъ, будущее по формѣ слилось съ настоящимъ (это сліяніе особенно замѣтно въ древнихъ Церковно-Славянскихъ памятникахъ, на пр. въ Остромировомъ Евангеліи *), а для прошедшаго общеупотребительна

*) Рече же іс҃съ обѣманадесяте: еда и вы хощете ити? Отъвѣща ѥмоу Симонъ Петръ: г҃и, къ комоу идемъ? (πρὸς τίνα ἀπελευσόμεθα); Остр. Е. 25, а. Никъıи.... рабъ можеть дъвѣма господинома работати: либо ѥдиного възненавидить, а дрꙋгааго възлюбить, ли ѥдиного дрьжить ся (ἀνθέξεται), а о дроузѣмъ нерадити начьнеть (καταφρονήσει). 62. а. — Имъ же сѫдъмь сѫдите, сѫдить ся вамъ (κριθήσεσθε), и въ нюже мѣрѫ мѣрите, възмѣрить ся вамъ. 39 в.

только одна форма, соотвѣтствующая Санскритскому аористу. Возьмемъ одинъ примѣръ для сравненія: мы встрѣтимъ здѣсь тотъ же постоянный звуковой законъ Славянской грамматики, на которой уже обратили вниманіе при склоненіи.

Ед. ч.	1-е л.	Скр.	avêdišam	
		Слав.	вѣдѣхъ	*m* отбр.; *a* въ ъ; *s* въ *x*.
	2-е л.	Скр.	avêdîs	
		Слав.	вѣдѣ	*s* отбр.
	3-е л.	Скр.	avêdît	
		Слав.	вѣдѣ	*t* »
Дв. ч.	1-е л.	Скр.	avêdišva	
		Слав.	вѣдѣхова	*s* въ *x*.
	2-е л.	Скр.	avêdištam	
		Слав.	вѣдѣста	*m* отбр.
	3-е л.	Скр.	avêdištâm	
		Слав.	вѣдѣста	»
Мн. ч.	1-е л.	Скр.	avêdišma	
		Слав.	вѣдѣхомъ	*a* въ ъ, *s* въ *x*
	2-е л.	Скр.	avêdišta	
		Слав.	вѣдѣсте	
	3-е л.	Скр.	(avêdišus *)	
		Слав.	вѣдѣшѧ.	

*) Эта форма есть позднѣйшее измѣненіе коренного *avêdisant*.

Въ древнихъ Глаголитскихъ рукописяхъ встрѣчаются формы еще болѣе сходныя съ Санскритскими, въ которыхъ *s* не измѣнилось въ *x*, на пр.:

1-е *л.* ед.	Слав.	(при)	ѩсъ
	Скр.		ajansam
1-е *л.* мн.	Слав.	(при)	ѩсомъ
	Скр.		ajansma
3-е *л.* мн.	Слав.	(при)	ѩсѫ
	Скр.		ajansan.

Кромѣ прошедшаго на *хъ*, которое въ старину употреблялось у всѣхъ Славянскихъ племенъ, Глаголитскіе памятники сохранили остатки формы, соотвѣтствующей Санскритскому прошедшему несовершенному, на пр.:

Ед. ч. 1-е д.	Скр.	asadam		
	Слав.	сѣдъ	*m* отбр.;	*a* въ *ъ*.
Дв. ч. 3-е л.	Скр.	asadatâm		
	Слав.	сѣдота	*m* отбр.	
Мн. ч. 1-е л.	Скр.	asadama		
	Слав.	сѣдомъ		*a* въ *ъ*
3-е л.	Скр.	asadan		
	Слав.	сѣдѫ.		

Но эта форма (встрѣчающаяся изрѣдка и въ древнемъ Чешскомъ языкѣ: на пр. пр̌едъидъ praeveni, попадъ coepi, јидомъ (вм. јидехомъ), паду́ ceci-

derunt, вздвигу́ sustulerunt, ужасу́ се obstupuerunt и т. п.), употребляется не во всѣхъ лицахъ и въ самомъ ограниченномъ числѣ словъ, такъ что она не могла въ Славянскомъ глаголѣ имѣть значеніе отдѣльнаго времени.

Итакъ въ Литовскомъ и Славянскомъ языкахъ сохранилось весьма мало формъ для означенія временъ, наклоненій и залоговъ. Пренебреженіе къ нимъ развилось еще болѣе съ теченіемъ времени. Латышскій языкъ утратилъ одно изъ измѣненій Литовскаго глагола, именно время несовершенное. Въ языкѣ Славянскомъ постепенное оскудѣніе спряженія составляетъ одну изъ самыхъ разительныхъ особенностей его исторіи. Въ этомъ оскудѣніи, которому всего сильнѣе подверглись формы прошедшаго времени, какъ самыя многочисленныя, можно обозначить три степени. Первая, древнѣйшая, представляетъ еще относительное богатство: существуютъ двѣ простыхъ формы прошедшаго, изъ коихъ мы разсмотрѣли уже одну, а другая, происшедшая въ Славянскомъ языкѣ независимо, займетъ насъ въ послѣдствіи, и съ помощью причастія на *лъ* образуются двѣ сложныхъ формы, изъ которыхъ одна имѣетъ значеніе Греческаго и Латинскаго давнопрошедшаго (plusquamperfectum). Таковы формы прошедшаго времени въ языкѣ Церковно-

Славянскомъ (напр. дахъ, даѣхъ, далъ ѥсмь и далъ бѣхъ); онѣ же, съ большими или меньшими отступленіями, существуютъ еще у Болгаръ, Сербовъ и Лужичанъ, а въ старину употреблялись также Русскими, Чехами, Хорутанами и Поляками. Вторая степень принадлежитъ языкамъ Хорватскому, Хорутанскому, Словацкому, Чешскому и Польскому (въ теперешнемъ ихъ видѣ). Въ нихъ исчезли простыя формы прошедшаго, но сохранилось полное спряженіе прошедшаго сложнаго по лицамъ и образованіе давнопрошедшаго времени, на пр. Хорут. 1-е л. ед. симъ видил-ъ, а, о, 2-е си видилъ, 3-е ѥ видилъ, двойств. 1-е сва видил-а, е, 2 и 3 ста видила, мн. 1-е смо видил-и, е, 2-е сте видили, 3-е со видили; Давнопр. билъ симъ видилъ и т. д. Польск. ед. 1-е видзялемъ (ж. видзяламъ, ср. видзяломъ) вмѣсто видзялесмь (эта форма встрѣчается въ древнихъ памятникахъ), 2-е видзялесь, 3-е видзялъ. Мн. 1-е видз лисьмы, 2-е видзѥлисцѥ, 3-е видзѥли. Давнопр. былемъ видзялъ и т. д. Третью степень занимаетъ одинъ Русскій языкъ, который болѣе всѣхъ своихъ собратьевъ пренебрегаетъ выраженіемъ времени въ глаголѣ. Онъ при сложномъ прошедшемъ времени совершенно отбросилъ вспомогательный глаголъ и съ тѣмъ вмѣстѣ отказался отъ обозна-

ченія въ немъ лицъ; также давнопрошедшаго времени онъ уже не образуетъ.

За то Литва и Славяне, обращающіе такъ мало вниманія на выраженіе въ дѣйствіи временъ и отношеній, развили въ глаголѣ другія стороны, отличающія ихъ отъ всѣхъ родственныхъ Европейскихъ народовъ.

Можно сказать положительно, что, послѣ своего обособленія, языки Литовскій и Славянскій имѣли эпоху грамматическаго творчества, въ которую глаголъ ихъ, въ замѣнъ утраченныхъ формъ, создалъ новыя, самостоятельныя образованія, употребляя, впрочемъ, на то почти всегда прежніе характеристическіе звуки (всего болѣе *н* и *aj*), имѣвшіе первоначально совершенно другое значеніе. Но хотя это самобытное преобразованіе глагола имѣло у Славянъ и Литвы общую исходную точку въ потерѣ формъ, выражавшихъ оттѣнки временъ и отношеній дѣйствія, и хотя оно было исполнено у обоихъ народовъ одинаково, употребленіемъ въ новомъ смыслѣ однихъ и тѣхъ же характеристическихъ звуковъ, однако оно привело у нихъ къ послѣдствіямъ совершенно различнымъ. Литовскій языкъ не пошелъ далѣе той точки, на которой стоитъ Санскритскій и въ эпоху до-историческую стояло, безъ сомнѣнія, все племя Индо-Европейское. Его стремленіе не внесло въ рѣчь никакой новой стихіи, и пото-

му было, въ общей сложности, безплодно, хотя создало для Литовцевъ такія формы, которыя утрачены всѣми прочими языками въ Европѣ. Славяне же развили въ глаголѣ сторону совершенно новую, нетронутую никакимъ другимъ народомъ и, такимъ образомъ, одни между всѣми отраслями Индо-Европейской семьи, усовершенствовали внутренній составъ языка, вынесеннаго изъ общей ея колыбели.

Литовскій языкъ сходствуетъ съ Санскритскимъ и отличается отъ соплеменныхъ Европейскихъ языковъ тѣмъ, что имѣетъ постоянную форму (имъ самимъ образованную) для означенія *причиннаго залога*, и еще болѣе тѣмъ, что выражаетъ въ дѣйствіи его *количество*. Слѣды причинной формы, которая показываетъ, что одно лицо возбуждаетъ дѣйствіе въ другомъ, сохранились во всѣхъ языкахъ нашего племени, и тождествомъ своимъ съ ея образованіемъ въ языкѣ Санскритскомъ свидѣтельствуютъ о господствѣ ея въ доисторическое время. Вотъ примѣры: bôdhâmi познаю, знаю, средній залогъ bôdhê пробуждаюсь, прич. залогъ bôdhajâmi даю знать, бужу: Слав. бъдѣти, прич. будити; Скр. sîdâmi сижу, sâdajâmi заставляю сидѣть, сажу, ставлю: Гот. sita сижу, satja сажу, Ирланд. suidim сижу, suidiughaim сажу, Лат. sedere и sedare, Слав. сидѣти и са-

дити. Литовскій языкъ употребляетъ въ этомъ случаѣ особенный способъ образованія и означаетъ причинную форму вставкою in, на пр. budu, budėti бдѣть, budinu, budinti будить; sėdmi, sėdėti сидѣть, sodinu, sodinti садить. За то Литовцы производятъ причинный залогъ ото всѣхъ глаголовъ, постоянно и правильно, а у Славянъ и другихъ Европейцевъ онъ является только въ рѣдкихъ обломкахъ. Въ этомъ отношеніи Литовскій глаголъ имѣетъ почти всегда три формы: 1) коренную, съ древнею краткою гласною, имѣющую обыкновенно смыслъ непреходящій (*intransitivum*), даже начинательный, какъ очень многіе изъ Санскритскихъ глаголовъ*); 2) произведенную отсюда форму съ значеніемъ преходящимъ, но часто также безъ этого оттѣнка, соотвѣтствующую по звуку, но не по значенію, Санскритской причинной формѣ: она образуется наичаще усиленіемъ коренной гласной и приставкою къ корнямъ слоговъ *oj* (*o*), *ej* (*e*), *ij* (*i*) или *j*, которыя суть не болѣе, какъ видоизмѣненія слога *aj*, древняго признака причинной формы; 3) произведенную отъ сей послѣдней чисто-

---

*) Въ послѣднемъ случаѣ настоящее время обыкновенно имѣетъ приставку stu (=ččhâmi, Греч. *σκω*, Лат. sco), которая пропадаетъ въ другихъ формахъ.

Литовскую причинную форму, образуемую окончаніями inti, dinti или dîti. Надобно привести нѣсколько случаевъ, чтобы показать это замѣчательное развѣтвленіе Литовскихъ глаголовъ:

1) Lîja, lîti лить, о дождѣ; 2) lêju, lêti лить, на пр. воду; 3) lîdinu, lîdinti заставлять лить.

1) Trukstu, trukti рваться; 2) traukju, traukti рвать, тащить; 3) traukdinu, traukdinti заставлять рвать, тащить.

1) Kimbu, kibti привѣшиваться, липнуть; 2) kabu, kabėti, или kabóju, kabóti, или kîbóju, kîbôti висѣть; 3) kabinu, kabinti вѣшать.

1) Džustu, džuti сохнуть, 2) džauju, džauti сушить; 3) džowinu, džowinti тоже.

3) Džungu, džugti начинать радоваться; 2) džaugiûs, džaugtis радоваться; 3) džuginu, džuginti заставлять радоваться.

1) Rimù или rimstu, rimti покоиться; 2) remju rémti подпирать; 3) raminti, ramdinti, или ramditi заставлять покоиться, успокоивать.

1) Lekmi, likti оставаться; 2) laikau, laikîti держать; 3) likinu, likinti заставлять оставаться.

1) Lendu, lịsti вылѣзать; 2) lindžiu, lindėti лѣзть; landinu, landinti заставлять лѣзть, пихать.

Это свойство Литовскаго языка замѣчательно, потому что показываетъ, какъ сильно было въ немъ стремленіе создать въ глаголѣ новыя формы и тѣмъ восполнить утрату древнихъ образованій. Но самъ по себѣ причинный залогъ, выражая только одно изъ многочисленныхъ отношеній дѣйствія къ лицу, не составляетъ характеристической особенности языка Литовскаго. Такую особенность мы найдемъ въ тѣхъ самобытно-Литовскихъ формахъ, которыми онъ опредѣляетъ въ глаголѣ *количество* дѣйствія, сторону, тронутую, кромѣ него, только Санскритскимъ языкомъ. Ихъ совпаденіе имѣетъ, мнѣ кажется, важный смыслъ. Оно обличаетъ тѣсное родство ихъ, и что всего замѣчательнѣе, такое родство, которое проявляется независимо отъ внѣшняго выраженія, отъ звуковаго сходства, и вытекаетъ единственно изъ внутренняго ихъ настроенія. Одинаковая склонность опредѣлять въ дѣйствіи его количество, безъ сомнѣнія, указываетъ на то, что воззрѣніе на міръ древнихъ Индійцевъ и Литовцевъ, какъ оно выразилось въ ихъ языкахъ, было еще совершенно вещественное. Ибо, дѣйствительно, количество есть сторона явленія наиболѣе внѣшняя и осязательная, и потому оно должно было обратить на себя вниманіе людей въ эпоху самую матеріяльную. По крайней мѣрѣ выраженіе его въ Санскритскихъ

глаголахъ такое, что оно переноситъ насъ въ эпоху младенчества народовъ. Желая показать, что дѣйствіе производится усиленно, Индійцы просто повторяли два раза цѣлый корень, или, гдѣ это было неудобно, начало его, напр.: dharâmi держу, dhardharmi сильно держу, aṭâmi иду, aṭâṭmi много хожу, karômi дѣлаю, čarikarmi (вм. karikarmi) сильно дѣлаю, bhanağmi ломаю, bambhanğmi сильно ломаю, lumpâmi ломаю, lôlôpmi сильно ломаю. Выраженія болѣе матеріяльнаго не отыскать во всѣхъ языкахъ Индо-Европейскихъ.

Способъ, употребляемый Литовцами для означенія количества дѣйствія, гораздо менѣе простъ и осязателенъ, и свидѣтельствуетъ о времени бо́льшаго уже въ народѣ развитія. Они прибавляютъ къ корню глагола разныя окончанія, изъ коихъ всего замѣчательнѣе измѣненія древняго, такъ сильно распространившагося, окончанія aj, именно îti и ôti. Не вдаваясь въ подробнѣйшее изслѣдованіе, я постараюсь выставить въ нѣсколькихъ примѣрахъ это характеристическое явленіе Литовскаго языка:

Traukiu, traukti рвать, тащить: traukau, traukîti тащить много или часто; traukinêti тащить во всѣ стороны (umherziehen); truktéru,

trukterěti тащить сильно, быстро; truknóju, truknóti тащить немного.

Tęsiu, tęsti растягивать: tąsau, tąsîti растягивать, разрывать.

Tėškiu, tėkšti бросать о земь: taškau, taškîti тоже, сильно, часто.

Tingiu, tingěti лѣниться: tinginauju, tinginauti предаваться лѣни.

Trenkiu, trenkti трясти: trankau, trankîti трясти часто.

Trinu, trįti тереть: trainóju, trainóti часто тереть.

Rišu, risti вязать: raišau, raišîti сковывать.

Lîja или lîna, lîti лить, о дождѣ: lînôja идетъ маленькій дождикъ.

Lôju, loti лаять: lojôju, lojôti то же, усиленно (anbellen), ругать.

Kišu, kisti совать: kištéru, kišterěti всовывать; kaišau, kaišîti совать сильно, часто.

Lékiu, lěkti летать: lěkinėju, lěkiněti летать въ разныя стороны, lěkióju, lěkióti порхать, lakstau, lakstîi порхать; бродить во всѣ стороны.

Stumju, stumti толкать: stumdau, stumdîti или stumdinu, stumdinti, или stumo-

lóju, stumolóti толкать туда и сюда, часто, много толкать.

Между тѣмъ какъ Литовскій языкъ, въ самостоятельномъ развитіи глагола, обратилъ вниманіе на внѣшнюю сторону дѣйствія, т. е., на его количество, Славянскій пришелъ къ опредѣленію его внутренней стороны, и особенными формами сталъ обозначать въ дѣйствіи *категорію качества*. Въ самомъ дѣлѣ, эти, такъ называемые, *виды* глагола, которые столько путаютъ нашихъ грамматиковъ, привыкшихъ вдавливать Рýсскій языкъ въ рамку Латинскаго, или Нѣмецкаго, суть не что иное, какъ выраженіе качества дѣйствія. Мы не хотимъ, разумѣется, сказать, чтобы *виды* выражали тѣ случайныя качества дѣйствія, для коихъ есть въ языкѣ особая часть рѣчи, нарѣчіе: они выражаютъ въ глаголѣ внутреннія, существенныя свойства, изъ которыхъ то, или другое необходимо присутствуетъ въ нашемъ представленіи о всякомъ дѣйствіи. Славянинъ, на пр., скажетъ иной разъ «рыба плаваетъ», иной разъ «рыба плыветъ», когда всѣ другіе народы говорятъ безразлично: «piscis natat», «der Fisch schwimmt» и т. д.: въ этихъ выраженіяхъ не отличается въ дѣйствіи плаванья ни время, ни отношеніе къ дѣйствующему, или другому лицу, или къ другому дѣйствію, ни количество, въ которомъ дѣйствіе это совершается,

но именно *внутреннее* свойство, съ которымъ оно представляется говорящему: какъ дѣйствіе, принимаемое отвлеченно (*плаваетъ*), или какъ дѣйствіе, представляемое опредѣленно-совершающимся (*плыветъ*). Выраженіе категоріи качества тутъ совершенно ясно. — Возьмемъ другой примѣръ: «прыгать» и «прыгнуть»; здѣсь опять различается категорія качества, ибо въ первомъ случаѣ дѣйствіе прыганья представляется какъ отвлеченное (и по этому какъ продолжающееся), а во второмъ какъ понятый конкретно моментъ (и по этому какъ однократное, ибо *конкретно* дѣйствіе можетъ представляться только какъ *одинъ* моментъ). Также сколько разъ въ глаголахъ, сложенныхъ съ предлогами, является въ различныхъ оттѣнкахъ выраженія *качество* дѣйствія, просто, безъ видимаго отношенія къ тому особенному смыслу, который предлогъ имѣетъ въ рѣчи самъ по себѣ; на пр. когда говоримъ «я побѣжалъ», или «я сбѣгалъ», «я гляжу», или «я поглядываю», то представляемъ себѣ дѣйствіе, въ первомъ случаѣ какъ начатое (*я побѣжалъ*), или оконченное (*я сбѣгалъ*), во второмъ, какъ продолжающееся непрерывно (*я гляжу*), или съ промежутками (*я поглядываю*), тогда какъ сами по себѣ предлоги *съ* и *по* не имѣютъ такого значенія. — Во

всѣхъ этихъ случаяхъ и вездѣ, въ Славянскомъ глаголѣ, первенствуетъ въ выраженіи категорія качества; всѣ другія категоріи, даже виднѣйшая изъ нихъ въ глаголѣ, время, являются съ второстепеннымъ значеніемъ. — Но здѣсь мы останавливаемся: подробное изложеніе всѣхъ *видовъ* Славянскаго глагола и объясненіе того внутренняго смысла каждаго изъ нихъ, по которому одинъ *видъ* соотвѣтствуетъ преимущественно одному времени, другой— другому, все это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и одно уже потребовало бы цѣлаго сочиненія. А тѣмъ болѣе мы считаемъ излишнимъ вдаваться по этому предмету въ подробности, что одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ ученыхъ, К. С. Аксаковъ, коему и принадлежитъ изложенная выше мысль о значеніи *видовъ* Русскаго глагола, посвятилъ ей подробное и полное разсужденіе, которое вскорѣ, мы надѣемся, появится въ печати.

Я уже сказалъ, и не считаю лишнимъ повторить еще разъ, что выраженіе въ глаголѣ *качества* дѣйствія составляетъ ту характеристическую особенность, которую выработалъ себѣ Славянскій языкъ во время самобытнаго своего развитія и въ которой проявилась его личность. Славяне могутъ гордиться языкомъ своимъ. Всѣ другіе народы Индо-Европейскіе,

измѣняя по своему наслѣдственный языкъ, принадлежавшій нѣкогда цѣлому племени, и внося въ него каждый свои особенности, ограничились внѣшними движеніями звуковъ, какъ въ корняхъ, такъ и въ грамматическихъ образованіяхъ. Литовцы, искавшіе въ глаголѣ новыхъ развитій, пришли своимъ путемъ къ тѣмъ же самымъ опредѣленіямъ, какія существовали еще въ до-историческую эпоху и сохранились въ языкѣ Санскритскомъ. Одни Славяне имѣли, послѣ своего обособленія, довольно свѣжести мысли и творчества духа , чтобы открыть въ языкѣ живую стихію, никѣмъ не початую, и дать мысли человѣческой новый способъ выраженія.

Теперь для насъ объясняется смыслъ того , что прежде могло казаться несообразнымъ. Когда мы разсуждали о звукахъ, мы имѣли право спросить: отъ чего же Славянскій языкъ удовольствовался тѣми звуковыми законами, которые онъ вынесъ изъ общей Индо-Европейской колыбели , и не захотѣлъ, подобно своимъ собратьямъ, подвергать ихъ собственной переработкѣ? Если отвѣтъ возможенъ на вопросъ, затрогивающій сокровенныя стремленія языка и касающійся эпохи, для насъ недосягаемой, то отвѣтъ будетъ такой , что Славяне обратили творческую силу языка своего не на вещественную его сторону, не на зву-

ки, которые остались у нихъ, какъ были, а на выраженіе мысли, на внутреннее опредѣленіе глагола, самой живой и духовной стихіи нашего слова.

Изъ того, что́ мы сказали, слѣдуетъ важность глубокаго и подробнаго изученія *видовъ* или выраженія качества въ Славянскомъ глаголѣ. По моему мнѣнію, это самый значительный, скажу даже, существенный вопросъ Славянской грамматики, такъ какъ самые виды глагола составляютъ главную, или скорѣе единственную особенность языка Славянскаго. Притомъ такое изученіе было бы весьма любопытно и по богатству готовыхъ матеріяловъ: можно по письменнымъ памятникамъ разныхъ Славянскихъ нарѣчій прослѣдить постепенное развитіе этого свойства, которое сопровождало постепенную утрату формъ для выраженія временъ. Но всѣ эти вопросы мы должны здѣсь оставить въ сторонѣ: расположеніе настоящаго обзора заставляетъ насъ спѣшить къ концу. Однако же, слѣдуетъ еще указать, хотя вкратцѣ, на происхожденіе знаковъ, выражающихъ разные виды глагола: всѣ они взяты Славянами изъ общаго достоянія Индо-Европейскаго племени и только примѣнены ими самостоятельно:

1) Окончаніе aj или aja и разныя его видоизмѣненія. Употребленіе его у Индо-Европейскихъ народовъ

самое обширное. Первоначально, какъ въ Санскритскомъ языкѣ, оно обозначало причинный залогъ и глаголы производные; въ Литовскомъ получило характеръ усиливающій; въ Славянскомъ примѣнено было къ выраженію дѣйствія *несовершеннаго*, и въ этомъ значеніи подверглось многимъ измѣненіямъ. Въ Церковно-Славянскомъ нарѣчіи оно является еще въ формахъ самыхъ близкихъ къ Санскритскимъ, именно *аꙗ* или *ѣа* *), потомъ *аа* **) и сокращенно *а*; *аа* для благозвучія превратилось въ *ава* (форма древне - Русская и др.) которое въ свою очередь перешло въ *ыва* (или *ива*), уже совершенно непохожее на свой первообразъ. Въ нарѣчіи Церковно-Славянскомъ и всѣхъ тѣхъ, которыя сохранили простую форму прошедшаго времени, эта вставка образуетъ, такъ наз., несовершенно-прошедшее или преходящее время (правильнѣе было бы называть его не временемъ, а видомъ). Вотъ нѣсколько примѣровъ: прош. бихъ, прех. біꙗахъ (собств.

---

*) Они этимологически тождественны, ибо *ѣ* = *аі*.

**) Подобное явленіе повторилось, на пр., въ родит. падежѣ именъ прилагательныхъ: *добрааго*, позднѣе *добраго* вм. *добраѥго*. Для аналогіи можно привести, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи (въ горахъ Карпатскихъ и Угріи) говорятъ на пр., вмѣсто *добрую*, *рукою*, *водою*, *душею*, *моя*, *знаю* —*добруу*, *рукоу*, *водоу*, *душеу*, *моа*, *знау*, или

бiј-аахъ), позднѣе бiыхъ, Польск. билъ и бiялъ, Русск. билъ и бивалъ; ста-хъ, прех. сто-ıаахъ позднѣе стоıахъ, Рус. сталъ и стоялъ; крѣпихъ, прех. крѣплıаахъ*), крѣплѣıахъ, крѣплѣахъ, поз. крѣплıахъ, Русск. (у)крѣпилъ и (у)крѣплялъ; живохъ*), прех. жив-ѣахъ, поздн. живѣхъ, Русск. жилъ и живалъ; съказа-хъ, преход. съказа-ахъ, древн. Русск. сказа-в-алъ, потомъ сказывалъ и т. п. Эта вставка, разумѣется, не ограничивается однимъ прошедшимъ временемъ, а проводится, подъ извѣстными условiями и постепенно расширяясь, со временемъ, въ своемъ употребленiи, черезо весь глаголъ Славянскiй и образуетъ, такъ называемый, несовершенный видъ: но я потому обратилъ вниманiе преимущественно на прошедшее время, что въ немъ она, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшихъ Церковно-Славянскихъ памятникахъ, вѣрнѣе удержала свой коренной типъ и сходство съ Санскритскою вставкою *ajâ-mi* (форма 1-го лица), *aji-tum* (форма неоконч. накл.).

со вставочнымъ *в: займавутъ* и т. под. Извѣстно, какъ часто встрѣчаются формы *моа*, *добраа* и т. *д.* въ древнихъ памятникахъ, особенно Южно-Русскихъ.

*) Слѣдуетъ раздѣлить *крѣплјаахъ: ј* относится къ основѣ глагола *крѣпи-ти.*

*) *Жив.* есть корень, *хъ* окончанiе, а *о* благозвучная вставка.

Моя цѣль теперь, повторяю, не изучить въ частности *виды* Славянскаго глагола, ихъ образованіе и различія, а, когда уже обозначенъ ихъ общій характеръ, показать, какія формы примѣнены были къ ихъ выраженію.

2) Вставка *н* (въ Санскр. *na*, *nu*, въ Церк.-Слав. *нѫ*) употребляется первымъ изъ этихъ языковъ во многихъ глаголахъ, но безъ особеннаго значенія. Съ такимъ характеромъ она удержалась и въ нѣкоторыхъ Славянскихъ словахъ, на пр. ми-ну, Скр. (въ Ведахъ) mî-nâmi иду, льну, Скр. lî-nâmi тожъ, кля-ну, Скр. kr-ṇômi обижаю, кре-ну древне-Русское куплю, Скр. krî-ṇâmi покупаю, гронимъ Нижне-Луж. говорю, Скр. gr-ṇâmi издаю звукъ и т. д. Но подобные случаи весьма рѣдки, а это же самое окончаніе, принятое для обозначенія видовыхъ оттѣнковъ, сдѣлалось у всѣхъ Славянъ общеупотребительнымъ (прыг-ну, гля-ну, одѣ-ну и т. д.)

3) Предлоги. Всѣ народы Индо-Европейскіе употребляютъ предлоги для опредѣленія частныхъ проявленій дѣйствія: одни Славяне стали примѣнять ихъ просто къ выраженію его качества, независимо отъ смысла, который они имѣютъ сами по себѣ. Такъ, на пр., изъ сочетаній глагола дѣлать съ предлогами, при-дѣлать, раз-дѣлать, от-дѣлаться, до-дѣ-

дать и т. п. образованы по общему началу Индо-Европейской рѣчи, и видно въ нихъ ясно первоначальное значеніе предлоговъ, опредѣляющихъ глаголъ дѣлать; но выраженія с-дѣлать и по-дѣлать суть чисто Славянскія: предлоги съ и по, хотя принадлежатъ Славянамъ наравнѣ съ другими соплеменными народами, однако здѣсь употреблены не въ собственномъ своемъ смыслѣ, а какъ знаки дѣйствія, въ первомъ случаѣ совершеннаго, во второмъ не вполнѣ проявившагося.

Пора, однако же, кончить. Я хотѣлъ въ этомъ разсужденіи показать, къ какимъ выводамъ можно непосредственно прійти въ сравнительной филологіи, обративъ вниманіе на свойства языка Славянскаго. Конечно, въ такомъ краткомъ обзорѣ нельзя было утвердить выводовъ на полной разработкѣ всѣхъ явленій языка, всѣхъ мелочей звуковъ и словъ, которая одна составляетъ въ наукѣ незыблемую основу. Но намъ представились нѣкоторыя общія черты, которыя, можетъ быть, не останутся безъ значенія, если, при повѣркѣ тщательнымъ изученіемъ подробностей, будутъ признаны справедливыми. Независимо отъ кореннаго родства всѣхъ Индо-Европейскихъ народовъ, о которомъ и говорить нечего, мы замѣтили особенно близкое, семейное, такъ сказать, сходство между языками Славянскимъ, Литовскимъ и Санскритскимъ. Сходство двухъ первыхъ

не имѣетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго; Литва искони жила съ Славянами въ сосѣдствѣ и общеніи и была ихъ постоянною спутницею въ исторіи. Но это родство Славянъ и Литвы съ Индусами, которое сильнѣе, чѣмъ ихъ родство съ ближайшими ихъ сосѣдями въ Европѣ, поражаетъ насъ, какъ удивительное свидѣтельство первоначальнаго братства народовъ. Этого братства самыхъ сѣверныхъ отраслей Индо-Европейскаго племени съ тою вѣтвію, которая въ южной Азіи оставила по себѣ безсмертные памятники Санскритской письменности, не изгладили ни безконечныя разстоянія, ни тысячелѣтія раздѣльной жизни, и безпрерывно гласитъ о немъ рѣчь Литовская и Славянская.

Намъ показалось возможнымъ привести нѣкоторыя другія общія явленія языка въ связь съ этимъ ближайшимъ родствомъ языковъ Славянскаго и Литовскаго съ Санскритскимъ. Заключенія, нами выведенныя, могутъ выразиться въ слѣдующихъ словахъ:

Вся семья Индо-Европейскихъ языковъ раздѣляется на двѣ половины: на западную, обнимающую языки Кельтскій, Германскій, Латинскій, Албанскій, Греческій и, наконецъ, Персидскій, и на восточную, которую составляютъ языки Санскритскій, Литовскій и Славянскій. Первые развили въ себѣ особенныя измѣненія зву-

ковъ; послѣдніе связаны общими звуковыми законами. Послѣ своего обособленія, первые переработали вещественную, звуковую сторону языка; Литовцы же и Славяне обратили вниманіе на внутреннее опредѣленіе дѣйствія въ языкѣ, т. е., глагола. Но въ этомъ стремленіи Литовцы возвратились къ прежнимъ стихіямъ, и одни только Славяне нашли въ глаголѣ самобытное начало.

Я не имѣю притязанія поставить заключенія, схваченныя здѣсь въ общихъ чертахъ, истинами, вполнѣ доказанными со всѣмъ тщаніемъ подробнаго научнаго изслѣдованія. Но они, я надѣюсь, покажутъ возможность добыть изъ сравнительной филологіи нѣкоторые общіе выводы, которые еще не признаны наукою, потому что она слишкомъ мало обращала вниманія на языки Славянскій и Литовскій: ибо, не понимая ихъ особеннаго значенія въ системѣ Индо-Европейской, Боппъ и всѣ его послѣдователи до сихъ поръ ограничиваются дальнѣйшимъ подтвержденіемъ истины, всѣми принятой, о родствѣ народовъ Индо-Европейскаго племени, и сравнительною разработкою въ разныхъ языкахъ отдѣльныхъ явленій. Надобно, чтобы сравнительная филологія признала и у себя истиннымъ то, что подтверждаютъ всѣ другія области человѣческой мысли. Не случайное дѣло, что вся Европа раздѣлена на двѣ половины, что въ западной живутъ многіе на-

роды и государства, а восточная принадлежитъ одному племени, Славянскому, и одному государству, Русскому; что въ западной развивалась одна общая историческая жизнь, а въ восточной другая; что самое даже Христіанство было иначе понято западною Европою, иначе восточною. Это существенное различіе между восточною, Славянскою (а теперь, съ тѣхъ поръ, какъ западныя Славянскія отрасли подчинились Германскому и Римскому вліянію),—Русскою Европою съ одной стороны, и всѣми западными народами съ другой, проистекало, конечно, изъ внутренней склонности, которая на всѣхъ путяхъ развитія удаляла ихъ другъ отъ друга. Оно, безъ сомнѣнія, коренилось глубоко и съ самаго начала въ ихъ природѣ и мысли: а въ языкѣ не является ли наружу то, что лежитъ въ глубинѣ человѣческой мысли?

И дѣйствительно, какъ видно въ самомъ организмѣ языковъ западной Европы съ одной стороны, и Славянскаго съ Литовскимъ—съ другой, господство различныхъ началъ! И самая судьба ихъ какъ различна: первые всѣ перешли на степень языковъ вторичнаго образованія, а Славяне съ Литвою одни сохранили нетронутымъ первобытный строй своей рѣчи, ея древніе звуки!

ПОЛОЖЕНІЯ.

I.

Западные языки Индо-Европейскаго племени, т. е., Персидскій въ Азіи, Греческій, Албанскій, Латинскій, Нѣмецкій и Кельтскій въ Европѣ, отличаются отъ языка Санскритскаго постоянными, органическими измѣненіями звуковъ, особенными въ каждомъ изъ нихъ.

II.

Всѣ живые языки западной половины Индо-Европейскаго племени суть языки вторичнаго образованія и произошли въ историческое время отъ утратившихся языковъ первичныхъ, частію извѣстныхъ намъ, частію неизвѣстныхъ.

III.

Единственные, сохранившіеся до сихъ поръ, языки первичнаго, до-историческаго образованія, суть языки восточной Европы, Литовскій и Славянскій.

IV.

Языки, Литовскій и Славянскій, связываются съ Санскритскимъ общимъ развитіемъ одинаковыхъ звуковыхъ измѣненій, чуждыхъ языкамъ западной отрасли.

V.

Смягченіе развилось въ языкахъ Санскритскомъ, Литовскомъ и Славянскомъ отдѣльно, въ историческое время, но по одинаковымъ законамъ и съ возрастающею силою, такъ что смягченіе Литовское обширнѣе Санскритскаго, Славянское обобширнѣе Литовскаго.

VI.

Склоненіе имени въ языкахъ Санскритскомъ и Литовскомъ слѣдуетъ одинаковымъ законамъ, въ Славянскомъ отличается отпаденіемъ согласныхъ на концѣ словъ, сокращеніемъ многихъ конечныхъ гласныхъ и частымъ употребленіемъ вставочнаго *в* между темою слова и окончаніемъ падежа.

VII.

Языки Санскритскій, Персидскій, Греческій, Латинскій, Нѣмецкій и Кельтскій, въ глаголѣ раз-

вили преимущественно категоріи времени и отношенія (дѣйствія къ дѣйствующему, или другому лицу), или другому дѣйствію). Первые три употребляютъ для ихъ обозначенія древнія, общія формы, послѣдніе чаще прибѣгаютъ къ позднѣйшимъ образованіямъ. Въ глаголѣ Литовскомъ и Славянскомъ выраженіе категорій времени и отношеній бѣднѣе.

VIII.

Санскритскій глаголъ опредѣляетъ также, удвоеніемъ корня, категорію количества; Литовскій самостоятельно примѣнилъ къ ней другія древнія формы глагола. Славянскій языкъ отличается выраженіемъ въ дѣйствіи категоріи качества: ее именно опредѣляютъ, такъ называемые, *виды* Славянскаго глагола.

IX.

Языкъ Славянскій составляетъ, вмѣстѣ съ Санскритскимъ и Литовскимъ, въ Индо-Европейскомъ племени какъ бы отдѣльную семью, связанную общими звуковыми законами и особеннымъ сходствомъ отдѣльныхъ словъ; онъ отличается отъ

нихъ органическими особенностями въ грамматикѣ, преимущественно самостоятельнымъ развитіемъ въ глаголѣ такихъ логическихъ опредѣленій, какія не нашли себѣ выраженія ни въ какомъ изъ родственныхъ языковъ.

